БИБЛИОТЕКА
ПРОЕКТА
БОРИСА АКУНИНА
ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВА
ЛИЦА ЭПОХИ
от истоков до монгольского
нашествия

Василий Осипович Ключевский
Николай Иванович Костомаров
Ольга Петровна Федорова
Борис Акунин

Лица эпохи. От истоков до монгольского нашествия (сборник)

Серия «Библиотека проекта Б. Акунина «История Российского государства»»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11279672
Лица эпохи. От истоков до монгольского нашествия: [сборник]: АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-085709-8

Аннотация

Библиотека проекта «История Российского государства» – это рекомендованные Борисом Акуниным лучшие памятники исторической литературы, в которых отражена биография нашей страны, от самых ее истоков.

Сборник «Лица эпохи» – это блестящая галерея русских исторических деятелей – князей, монархов, летописцев, священнослужителей, полководцев и святых. В издание включены избранные главы из книг крупнейшего русского историка В. О. Ключевского «Исторические портреты», классического труда «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» основоположника русской исторической мысли Н. И. Костомарова и выдающегося исследования «Допетровская Русь О. П. Федоровой.

Содержание

В. О. Ключевский 5
Добрые люди Древней Руси 5
Нестор и Сильвестр 23
Первые киевские князья 31
О. П. Федорова 39
Рюрик 39
Олег 53
Игорь 59
Ольга 65
Святослав 76
Конец ознакомительного фрагмента. 84

Лица эпохи. От истоков до монгольского нашествия (сборник)

В оформлении использованы иллюстрации, предоставленные агентствами Fotobank, Shutterstock, РИА Новости, МИА «Россия сегодня», Diomedia, Fotodom и свободных источников

© B. Akunin, 2015
© О. П. Федорова, 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

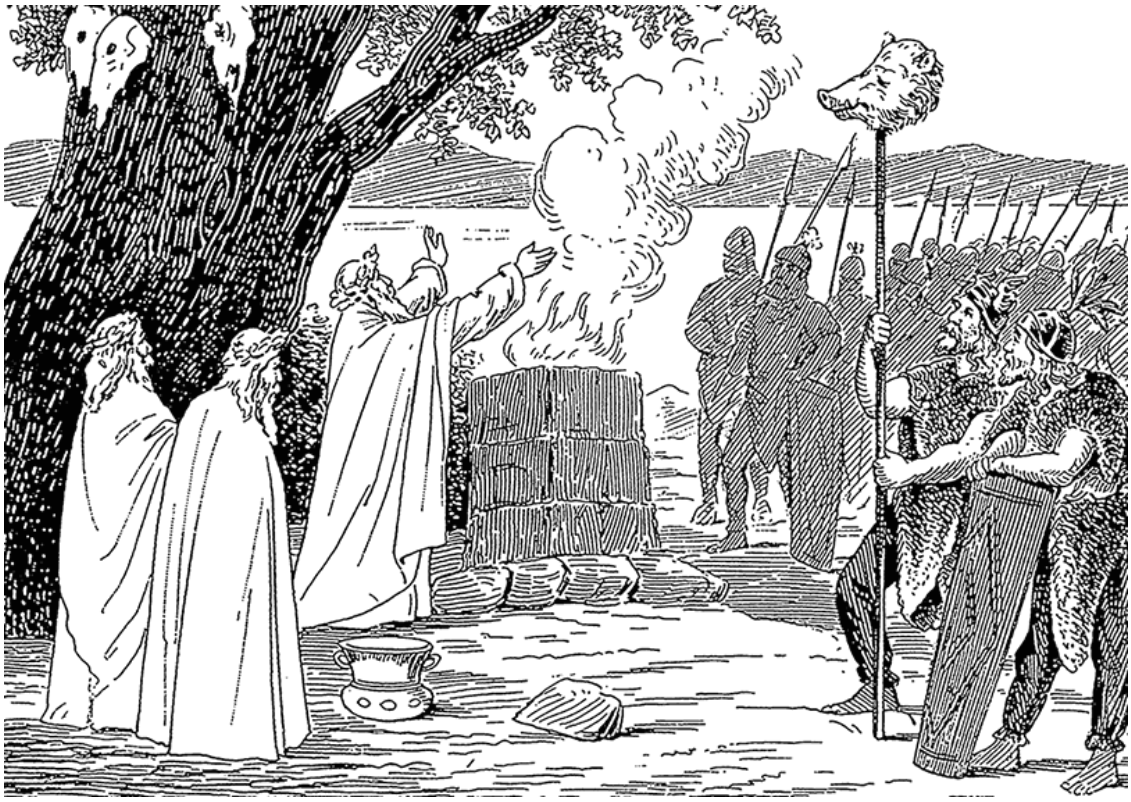
В. О. Ключевский
Исторические портреты

Добрые люди Древней Руси

Благотворительность – вот слово с очень спорным значением и с очень простым смыслом. Его многие различно толкуют и все одинаково понимают. Спросите, что значит делать добро ближнему, и возможно, что получите столько же ответов, сколько у вас собеседников. Но поставьте их прямо пред несчастным случаем, пред страдающим человеком с вопросом, что делать – и все будут готовы помочь, кто чем может. Чувство сострадания так просто и непосредственно, что хочется помочь даже тогда, когда страдающий не просит о помощи, даже тогда, когда помощь ему вредна и даже опасна, когда он может злоупотребить ею. На досуге можно размышлять и спорить об условиях правительственных ссуд нуждающимся, об организации и сравнительном значении государственной и общественной помощи, об отношении той и другой к частной благотворительности, о доставке заработков нуждающимся, о деморализующем влиянии дарового пособия; на досуге, когда минует беда, и мы обо всем этом подумаем и поспорим. Но когда видишь, что человек тонет, первое движение – броситься к нему на помощь, не спрашивая, как и зачем он попал в воду и какое нравственное впечатление произведет на него наша помощь.

При обсуждении участия, какое могут принять в деле помощи народу правительство, земство и общество, надобно разделять различные элементы и мотивы: экономическую политику, принимающую меры, чтобы вывести труд и хозяйство народа из неблагоприятных условий, и следствия помощи, могущие оказаться невыгодными с точки зрения полиции и общественной дисциплины, и возможность всяких злоупотреблений. Все это соображения, которые относятся к компетенции подлежащих ведомств, но которых можно не примешивать к благотворительности в собственном смысле. Нам, частным лицам, открыта только такая благотворительность, а она может руководиться лишь нравственным побуждением, чувством сострадания к страдающему. Лишь бы помочь ему остаться живым и здоровым, а если он дурно воспользуется нашей помощью, это его вина, которую, по миновании нужды, позаботятся исправить подлежащие власти и влияния. Так понимали у нас частную благотворительность в старину; так, без сомнения, понимаем ее и мы, унаследовав путем исторического воспитания добрые понятия и навыки старины.

Древнерусское общество под руководством церкви в продолжение веков прилежно училось понимать и исполнять и вторую из двух основных заповедей, в которых заключаются весь закон и пророки, – заповедь о любви к ближнему. При общественной безурядице, при недостатке безопасности для слабого и защиты для обижаемого практика этой заповеди направлялась преимущественно в одну сторону: любовь к ближнему полагали прежде всего в подвиге сострадания к страждущему, ее первым требованием признавали личную милостыню. Идея этой милостыни полагалась в основание практического нравоучения; потребность в этом подвиге воспитывалась всеми тогдашними средствами духовно-нравственной педагогики.



Древние славяне поклоняются своим богам. Гравюра. XIX в.

Любить ближнего – это прежде всего накормить голодного, напоить жаждущего, посетить заключенного в темнице. Человеколюбие на деле значило нищелюбие. Благотворительность была не столько вспомогательным средством общественного благоустройства, сколько необходимым условием личного нравственного здоровья: она больше нужна была самому нищелюбцу, чем нищему. Целительная сила милостыни полагалась не столько в том, чтобы утереть слезы страждущему, уделяя ему часть своего имущества, сколько в том, чтобы, смотря на его слезы и страдания, самому пострадать с ним, пережить то чувство, которое называется человеколюбием.

Древнерусский благотворитель, «христолюбец» менее помышлял о том, чтобы добрым делом поднять уровень общественного благосостояния, чем о том, чтобы возвысить уровень собственного духовного совершенствования. Когда встречались две древнерусские руки, одна с просьбой Христа ради, другая с подаяньем во имя Христово, трудно было сказать, которая из них большие подавала милостыни другой: нужда одной и помощь другой сливались во взаимодействии братской любви обеих. Вот почему Древняя Русь понимала и ценила только личную, непосредственную, благотворительность, милостыню, подаваемую из руки в руку, при том «отай», тайком не только от стороннего глаза, но и от собственной «шуйцы».

Нищий был для благотворителя лучший богомолец, молитвенный ходатай, душевный благодетель. «В рай входят святой милостыней, – говорили в старину, – нищий богатым питается, а богатый нищего молитвой спасается». Благотворителю нужно было воочию видеть людскую нужду, которую он облегчал, чтобы получить душевную пользу; нуждающийся должен был видеть своего милостивца, чтобы знать, за кого молиться. Древнерусские цари накануне больших праздников, рано по утрам, делали тайные выходы в тюрьмы и богадельни, где из собственных рук раздавали милостыню арестантам и призреваемым, также посещали и отдельно живших убогих людей.

Как трудно изучить и лечить болезни по рисунку или манекену больного организма, так казалась малодействительной заочная милостыня. В силу того же взгляда на значение

благотворительного дела нищенство считалось в Древней Руси не экономическим бременем для народа, не язвой общественного порядка, а одним из главных средств нравственного воспитания народа, состоящим при церкви практическим институтом общественного благонравия. Как в клинике необходим больной, чтобы научиться лечить болезни, так в древнерусском обществе необходим был сирый и убогий, чтобы воспитать уменье и навык любить человека. Милостыня была дополнительным актом церковного богослужения, практическим требованием правила, что вера без дел мертва. Как живое орудие душевного спасения, нищий нужен был древнерусскому человеку во все важные минуты его личной и семейной жизни, особенно в минуты печальные. Из него он создал идеальный образ, который он любил носить в мысли, как олицетворение своих лучших чувств и помышлений. Если бы чудодейственным актом законодательства или экономического прогресса и медицинского знания вдруг исчезли в Древней Руси все нищие и убогие, кто знает, может быть, древнерусский милостивец почувствовал бы некоторую нравственную неловкость, подобно оставшемуся без посоха, на который он привык опираться; у него оказался бы недочет в запасе средств его душевного домостроительства.

Трудно сказать, в какой степени такой взгляд на благотворительность содействовал улучшению древнерусского общежития. Никакими методами социологического изучения нельзя вычислить, какое количество добра вливала в людские отношения эта ежедневная, молчаливая, тысячерукая милостыня, насколько она приучала людей любить человека и отучала бедняка ненавидеть богатого. Явственнее и осязательнее обнаруживалось значение такой личной милостыни, когда нужда в благотворительной помощи вызывалась не горем отдельных несчастливых жизней, а народным физическим бедствием. Природа нашей страны издавна была доброй, но иногда бывала своенравной матерью своего народа, который, может быть, сам же и вызывал ее своенравие своим неуменьем обращаться с ней. Недороды и неурожаи были нередки в Древней Руси. Недостаток экономического общения и административной распорядительности превращал местные недоборы продовольствия в голодные бедствия.

Такое бедствие случилось в начале XVII в., при царе Борисе. В 1601 году, едва кончился весенний сев, полили страшные дожди и лили все лето. Полевые работы прекратились. Хлеб не вызрел, до августа нельзя было начать жатву, а на Успеньев день неожиданно ударил крепкий мороз и побил недозревший хлеб, который почти весь остался в поле. Люди кормились остатками старого хлеба, а на следующий год посеялись кое-как собранным зяблым зерном нового урожая, но ничего не взошло, все осталось в земле, и наступил трехлетний голод. Царь не жалел казны, щедро раздавал в Москве милостыню, предпринял обширные постройки, чтобы доставить заработок нуждающимся. Прослышав об этом, народ толпами повалил в Москву из неурожайных провинций, чем усилил нужду в столице. Началась сильная смертность: только в трех казенных столичных скудельницах, куда царь велел подбирать бесприютные жертвы, за два года 4 месяца их насчитали 127 тыс. Но беда создана была в значительной мере искусственно. Хлеба оставалось довольно от прежних урожаев. После, когда самозванцы наводнили Русь шайками поляков и казаков, которые своими опустошениями прекратили посевы на обширных пространствах, этого запасного хлеба много лет хватало не только на своих, но и на врагов. При первых признаках неурожая начала разыгрываться хлебная спекуляция. Крупные землевладельцы заперли свои склады.

Скупщики пустили все в оборот, деньги, утварь, дорогое платье, чтобы забрать продажный хлеб. Те и другие не пускали ни зерна на рынок, выжидая высоких цен, радуясь, по выражению современника, барышам, «конца же вещи не разумеюще, сплетены смуты слагающе и народ смущающее». Хлебные цены были взбиты на страшную высоту: четверть ржи с 20 тогдашних копеек скоро поднялась до 6 р., равнявшихся нашим 60 р., т. е. вздорожала в 30 раз! Царь принимал строгие и решительные меры против зла, запретил винокуре-

ние и пивоварение, велел сыскивать скупщиков и бить кнутом на рынках нещадно, переписывать их запасы и продавать в розницу понемногу, предписывал обязательные цены и карал тяжкими штрафами тех, кто таил свои запасы.

Св. Иулиания Лазаревская (Ульяна Осорьина). Икона из Благовещенского монастыря города Мурома. 1870-е гг.

Сохранившийся памятник вскрыл нам одну из частных благотворительных деятельностей, которые в то время работали внизу, на местах, когда царь боролся с народным бедствием наверху. Жила тогда в своем имении вдова-помещица, жена зажиточного провинциального дворянина, Ульяна Устиновна Осорьина.

Это была простая, обыкновенная добрая женщина Древней Руси, скромная, боявшаяся чем-нибудь стать выше окружающих. Она отличалась от других разве только тем,

что жалость к бедному и убогому – чувство, с которым русская женщина на свет родится, – в ней была тоньше и глубже, обнаруживалась напряженнее, чем во многих других и, развиваясь от непрерывной практики, постепенно наполнила все ее существо, стала основным стимулом ее нравственной жизни, ежеминутным влечением ее вечно деятельного сердца.

Еще до замужества, живя у тетки по смерти родителей, она обшивала всех сирот и немощных вдов в ее деревне, и часто до рассвета не гасла свеча в ее светлице. По выходе ее замуж свекровь поручила ей ведение домашнего хозяйства, и невестка оказалась умной и распорядительной хозяйкой. Но привычная мысль о бедном и убогом не покидала ее среди домашних и семейных хлопот. Она глубоко усвоила себе христианскую заповедь о тайной милостыне. Бывало, ушлют ее мужа на царскую службу куда-нибудь в Астрахань года на два или на три. Оставшись дома и коротая одинокие вечера, она шила и пряла, рукоделье свое продавала и выручку тайком раздавала нищим, которые приходили к ней по ночам. Не считая себя в праве брать что-нибудь из домашних запасов без спроса у свекрови, она однажды прибегла даже к маленькому лукавству с благотворительной целью, о котором позволительно рассказать, потому что его не скрыл ее почтительный сын в биографии матери. Ульяна была очень умеренна в пище, только обедала, не завтракала и не полдничала, что очень тревожило свекровь, боявшуюся за здоровье молодой невестки.

Случился на Руси один из нередких неурожаев, и в Муромском краю наступил голод. Ульяна усилила обычную свою тайную милостыню и, нуждаясь в новых средствах, вдруг стала требовать себе полностью завтраков и полдников, которые, разумеется, шли в раздачу голодающим. Свекровь полушутливо заметила ей: «Что это подеялось с тобой, дочь моя? Когда хлеба было вдоволь, тебя, бывало, не дозовешься ни к завтраку, ни к полднику, а теперь, когда всем стало есть нечего, у тебя какая охота к еде припала». – «Пока не было у меня детей, – отвечала невестка, – мне еда и на ум не шла, а как пошли ребята родиться, я отощала и никак не могу наесться, не только что днем, но часто и ночью так и тянет к еде; только мне стыдно, матушка, просить у тебя». Свекровь осталась довольна объяснением своей доброй лгуньи и позволила ей брать себе пищи, сколько захочется, и днем, и ночью.

Эта постоянно возбужденная сострадательная любовь к ближнему, обижаемому жизнью, помогла Ульяне легко переступить через самые закоренелые общественные предрассудки Древней Руси.

Глубокая юридическая и нравственная пропасть лежала между древнерусским барином и его холопом: последний был для первого по закону не лицом, а простою вещью. Следуя исконному туземному обычаю, а может быть, и греко-римскому праву, не вменявшему в преступление смерти раба от побоев господина, русское законодательство еще в XIV в. провозглашало, что если господин «огрешится» неудачным ударом убьет своего холопа или холопку, за это его не подвергать суду и ответственности. Церковь долго и напрасно вопияла против такого отношения к крепостным людям. Десятками наполняя дворы зажиточных землевладельцев, плохо одеваемая и всегда содержимая впроголодь, челядь составляла толпу домашних нищих, более жалких сравнительно с вольными публичными нищими. Древнерусская церковная проповедь так и указывала на них господам, как на ближайший предмет их сострадания, призывая их позаботиться о своих челядинцах прежде, чем протягивать руку с благотворительной копейкой нищему, стоящему на церковной паперти. В усадьбе Ульяны было много челяди. Она ее хорошо кормила и одевала, не баловала, но щадила, не оставляла без дела, но задавала каждому работу по силам и не требовала от нее личных услуг, что могла, все делала для себя сама, не допускала даже разувать себя и подавать воды умыться. При этом она не позволяла себе обращаться к крепостным с кличками, какими душевладельческая Русь вплоть до самого 19 февраля 1861 года окрикивала своих людей: Ванька, Машка, но каждого и каждую называла настоящим именем. Кто, какие

социальные теории научили ее, простую сельскую барыню XVI века, стать в такие прямые и обдуманные отношения к низшей подвластной братии?

Славянские женщины из племени вятичей, XI в.

Она была уже в преклонных летах, когда ее постигло последнее и самое тяжкое благотворительное испытание. Лукавый бес, добра ненавистник, давно уже суетившийся около этой досадной ему женщины и всегда ею посрамляемый, раз со злости пригрозил ей: погоди же! Будешь ты у меня чужих кормить, когда я тебя самое на старости лет заставлю околевать с голоду. Такой добродушно-набожной комбинацией объяснено в биографии происхождение постигшей добрую женщину беды. Похоронив мужа, вырастив сыновей и поставив их на царскую службу, она уже помышляла о вечном устроении собственной души, но все еще тлела перед Богом любовью к ближнему, как тлеет перед образом догорающая восковая свечка. Нищелюбие не позволило ей быть запасливой хозяйкой. Домовое продовольствие она рассчитывала только на год, раздавая остальное нуждающимся. Бедный был для нее какой-то бездонной сберегательной кружкой, куда она с ненасыщаемым скопидомством все прятала да прятала все свои сбережения и излишки. Порой у нее в дому не оставалось ни копейки от милостыни, и она занимала у сыновей деньги, на которые шила зимнюю одежду для нищих, а сама, имея уже под 60 лет, ходила всю зиму без шубы.

Начало страшного голодного трехлетия при царе Борисе застало ее в нижегородской вотчине совсем неприготовленной. С полей своих она не собрала ни зерна, запасов не было, скот пал почти весь от бескормицы. Но она не упала духом, а бодро принялась за дело, распродала остаток скота, платье, посуду, все ценное в доме и на вырученные деньги покупала хлеб, который и раздавала голодающим, ни одного просящего не отпускала с пустыми руками и особенно заботилась о прокормлении своей челяди. Тогда многие расчетливые господа просто прогоняли с дворов своих холопов, чтобы не кормить их, но не давали им

отпускных, чтобы после воротить их в неволю. Брошенные на произвол судьбы среди всеобщей паники, холопы принимались воровать и грабить.

Ульяна больше всего старалась не допустить до этого своих челядинцев и удерживала их при себе, сколько было у ней силы. Наконец, она дошла до последней степени нищеты, обобрала себя дочиста, так что не в чем стало выйти в церковь. Выбившись из сил, израсходован весь хлеб до последнего зерна, она объявила своей крепостной дворне, что кормить ее больше она не может, кто желает, пусть берет свои крепости или отпускные и идет с Богом на волю. Некоторые ушли от нее, и она проводила их с молитвой и благословением; но другие отказались от воли, объявили, что не пойдут, скорее умрут со своей госпожой, чем покинут ее. Она разослала своих верных слуг по лесам и полям собирать древесную кору и лебеду и принялась печь хлеб из этих суррогатов, которыми кормилась с детьми и холопами, даже ухитрялась делиться с нищими, «потому что в то время нищих было без числа», лаконически замечает ее биограф.

Окрестные помещики с упреком говорили этим нищим: «Зачем это вы заходите к ней? Чего взять с нее? Она и сама помирает с голоду». – «А мы вот что скажем, – говорили нищие, – много обошли мы сел, где нам подавали настоящий хлеб, да и он не елся нам так всласть, как хлеб этой вдовы – как бишь ее?» Многие нищие не умели и назвать ее по имени. Тогда соседи-помещики начали подсылать к Ульяне за ее диковинным хлебом: отведав его, они находили, что нищие были правы, и с удивлением говорили меж себя: мастера же ее холопы хлебы печь! С какой любовью надобно подавать нищему ломоть хлеба, не безукоризненного в химическом отношении, чтобы этот ломоть становился предметом поэтической легенды тотчас, как был съедаем! Два года терпела она такую нищету и не опечалилась, не пороптала, не дала безумия Богу, не изнемогла от нищеты, напротив, была весела, как никогда прежде. Так заканчивает биограф свой рассказ о последнем подвиге матери. Она и умерла вскоре по окончании голода, в начале 1604 г. Предания нашего прошлого не сохранили нам более возвышенного и трогательного образца благотворительной любви к ближнему.

Никто не сосчитал, ни один исторический памятник не записал, сколько было тогда Ульян в Русской земле и какое количество голодных слез утерли они своими добрыми руками. Надобно полагать, что было достаточно и других, потому что Русская земля пережила те страшные годы, обманув ожидания своих врагов. Здесь частная благотворительность шла навстречу усилиям государственной власти. Но не всегда так бывает. Частная благотворительность страдает некоторыми неудобствами. Обыкновенно она оказывает случайную и мимолетную помощь и часто не настоящей нужде. Она легко доступна злоупотреблению: вызываемая одним из самых глубоких и самых нерасчетливых чувств, какие только есть в нравственном запасе человеческого сердца, она не может следить за своими собственными следствиями. Она чиста в своем источнике, но легко поддается порче в своем течении. Здесь она против воли благотворителей и может разойтись с требованиями общественного блага и порядка.

К.В. Лебедев. Освоение русскими новых земель. 1904 г.

Петр Великий, усиливавшийся привести в производительное движение весь наличный запас рабочих сил своего народа, вооружился против праздного нищенства, питаемого частной милостыней. В 1705 г. он указал рассылать по Москве подъячих с солдатами и приставами ловить бродячих нищих и наказывать, деньги у них отбирать, милостыни им не подавать, а подающих хватать и подвергать штрафу; благотворители должны были доставлять свои подаяния в богадельни, существовавшие при церквах. Петр вооружился против частной милостыни во имя общественной благотворительности как учреждения, как системы богоугодных заведений. Общественная благотворительность имеет свои преимущества: уступая частной милостыне в энергии и качестве побуждений, в нравственно-воспитательном действии на обе стороны, она разборчивее и действительнее по своим практическим результатам оказывает нуждающемуся более надежную помощь, дает ему постоянный приют.

Мысль об общественной благотворительности, разумеется, с особенной силой возбуждалась во времена народных бедствий, когда количество добра требуется прежде, чем спра-

шивают о качестве побуждений добродеяния. Так было в Смутное время. В 1609 г. второй самозванец осаждал Москву. Повторились явления Борисова времени. В столице наступил страшный голод. Хлеботорговцы устроили стачку, начали всюду скупать запасы и ничего не пускали на рынок, выжидая наибольшего подъема цен. За четверть ржи стали спрашивать 9 тогдашних рублей, т. е. свыше 100 р. на наши деньги. Царь Василий Шуйский приказал продавать хлеб по указной цене – торговцы не слушались. Он пустил в действие строгость законов – торговцы прекратили рискованный подвоз закупленного ими по провинциям хлеба в осажденную столицу.

Мало того, по московским улицам и рынкам полилась из тысяч уст оппозиционная публицистика, начали говорить, что все беды, и вражий меч, и голод падают на народ потому, что царь несчастлив. Тогда в московский Успенский собор созвано было небывалое народное собрание. Патриарх Гермоген сказал сильную проповедь о любви и милосердии; за ним сам царь произнес речь, умоляя кулаков не скупать хлеба, не поднимать цен. Но борьба обеих высших властей, церковной и государственной, с народной психологией и политической экономией была безуспешна. Тогда светлая мысль, одна из тех, какие часто приходят в голову добрым людям, осенила царя и патриарха. Древнерусский монастырь всегда был запасной житницей для нуждающихся, ибо церковное богатство, как говорили пастыри нашей церкви, нищих богатство.

Жил тогда на Троицком подворье в Москве келарь Троицкого Сергиева монастыря, отец Авраамий, обладавший значительными запасами хлеба. Царь и патриарх уговорили его выслать несколько сот четвертей на московский рынок по 2 р. за четверть. Это была больше психологическая, чем политико-экономическая операция: келарь выбросил на рынок многолюдной столицы всего только 200 мер ржи; но цель была достигнута. Торговцы испугались, когда пошел слух, что на рынок тронулись все хлебные запасы этого богача-монастыря, считавшиеся неисчерпаемыми, и цена хлеба надолго упала до двух рублей. Через несколько времени Авраамий повторил эту операцию с таким же количеством хлеба и с прежним успехом.

Г. И. Семирадский. Похороны знатного руса. 1892 г.

На долю XVII века выпало печальное преимущество тяжелым опытом понять и оценить всю важность поставленного еще на Стоглавом соборе вопроса об общественной благотворительности, как вопроса законодательства и управления, и перенести его из круга действия личного нравственного чувства в область общественного благоустройства. Тяжелые испытания привели к мысли, что государственная власть своевременными мерами может ослабить или предотвратить бедствия нуждающихся масс и даже направить частную благотворительность.

В 1654 г. началась и при очень неблагоприятных условиях продолжалась война с Польшей за Малороссию. Эпидемия опустошила деревни и села и уменьшила производство хлеба. Падение курса выпущенных в 1656 г. кредитных медных денег с номинальной стоимостью серебряных усилило дороговизну: цена хлеба, с начала войны удвоившаяся, к началу 1660-х годов в иных местах поднялась до 30–40 руб. за четверть ржи на наши деньги. В 1660 г. сведущие люди из московского купечества, призванные для совещания с боярами о причинах дороговизны и о средствах ее устранения, между прочим указали на чрезвычайное развитие винокурения и пивоварения и предложили прекратить продажу вина в питейных заведения, закрыть винные заводы, также принять меры против скупки хлеба и не допускать скупщиков и кулаков на хлебные рынки раньше полудня, наконец, переписать запасы хлеба, заготовленные скупщиками, перевезти их в Москву на казенный счет и продавать здесь бедным людям, а скупщикам заплатить из казны по их цене деньгами. Как только тяжесть положения заставила вдуматься в механизм народнохозяйственного оборота, тотчас живо почувствовалось, что может сделать государственная власть для устранения возникающих в нем замешательств.

В эти тяжелые годы стоял близко к царю человек, который добрым примером показал, как можно соединить частную благотворительность с общественной и на чувстве личного сострадания построить устойчивую систему благотворительных учреждений.

Это был Ф. М. Ртищев, ближний постельничий, как бы сказать обер-гофмейстер при дворе царя Алексея Михайловича, а потом его дворецкий, т. е. министр двора. Этот человек – одно из лучших воспоминаний, завещанных нам древнерусской стариной. Один из первых насадителей научного образования в Москве XVII века, он принадлежал к числу крупных государственных умов Алексеева времени, столь обильного крупными умами. Ему приписывали и мысль упомянутой кредитной операции с медными деньгами, представлявшей небывалую новость в тогдашней финансовой политике, и не его вина, если опыт кончился не благополучно. Много занятый по службе, пользуясь полным доверием царя и царицы и большим уважением придворного общества, воспитатель царевича Алексея, Ртищев поставил задачей своей частной жизни служение страждущему и нуждающемуся человечеству. Помощь ближнему была постоянной потребностью его сердца, а его взгляд на себя и на ближнего сообщал этой потребности характер ответственного, но непритязательного нравственного долга.

Ртищев принадлежал к числу тех редких и немного странных людей, у которых совсем нет самолюбия, по крайней мере, в простом ходячем смысле этого слова. Наперекор природным инстинктам и исходным людским привычкам, в Заповеди Христовой любить ближнего своего, как самого себя, он считал себя способным исполнять только первую часть: он и самого себя любил только для ближнего, считая себя самым последним из своих ближних, о котором не грешно подумать разве только тогда, когда уже не о ком больше думать, – совершенно евангельский человек, правая щека которого сама собою без хвастовства и расчета подставлялась ударившему по левой, как будто это было требованием физического закона или светского приличия, а не подвигом смирения.

Федор Михайлович Ртищев

Ртищев не понимал обиды, как иные не знают вкуса в вине, не считая этого за воздержание, а просто не понимая, как это можно пить такую неприятную и бесполезную вещь. Своему обидчику он первый шел навстречу с просьбой о прощении и примирении. С высоты своего общественного положения он не умел скользить высокомерным взглядом поверх людских голов, останавливаясь на них лишь для того, чтобы сосчитать их. Человек не был для него только счетной единицей, особенно человек бедный и страждущий. Высокое положение только расширило, как бы сказать, пространство его человеколюбия, дав ему возможность видеть, сколько живет на свете людей, которым надо помочь, и его сострадательное чувство не довольствовалось помощью первому встречному страданию. С высоты древнерусского сострадания личному, конкретному горю, вот тому или этому несчастному человеку, Ртищев умел подняться до способности соболезновать людскому несчастью, как общему злу, и бороться с ним, как со своим личным бедствием. Потому случайные и прерывистые вызовы личной благотворительности он хотел превратить в постоянно действующую общественную организацию, которая подбирала бы массы труждающихся и обремененных, облегчай им несение тяжкой повинности жизни.

Впечатления польской войны могли только укрепить эту мысль. Сам царь двинулся в поход, и Ртищев сопровождал его, как начальник его походной квартиры. Находясь по должности в тылу армии, Ртищев видел ужасы, какие оставляет после себя война и которых обыкновенно не замечают сами воюющие – те, которые становятся их первыми жерт-

вами. Тыл армии – тяжкое испытание и лучшая школа человеколюбия: тот уже неотступно полюбит человека, кто с перевязочной линии не унесет ненависти к людям.

Ртищев взглянул на отвратительную работу войны как на жатву своего сердца, как на печально-обильный благотворительный урожай. Он страдал ногами, и ему трудно было ездить верхом. По дороге он кучами подбирал в свой экипаж больных, раненых, избитых и разоренных, так что иногда и ему не оставалось места и, пересев на коня, он плелся за своим импровизованным походным лазаретом до ближнего города, где тотчас нанимал дом, куда, сам кряхтя от боли, сваливал свою охающую и стонущую братию, устроял ей содержание и уход за ней и даже неизвестно каким образом набирал врачебный персонал, «назиратаев и врачев им и кормителей устрояше, во упокоение их и врачевание от имения своего им изнуряя», как вычурно замечает его биограф. Так обер-гофмейстер двора его величества сам собою превратился в печальника Красного Креста, им же и устроенного на собственные средства.

Колт – древнерусское женское украшение, подвеска, прикреплявшаяся к головному убору

Впрочем, в этом деле у него была тайная денежная и сердечная пособница, которую выдал истории тот же болтливый биограф. В своем молчаливом кармане Ртищев вез на войну значительную сумму, тихонько сунутую ему царицей Марьей Ильиничной, и био-

граф нескромным намеком дает понять, что перед походом они уговорились принимать в задуманные ими временные военные госпитали даже пленных врагов, нуждавшихся в госпитальной помощи. Надобно до земли поклониться памяти этих людей, которые безмолвной экзегетикой своих дел учат нас понимать слова Христа: любите враги ваша, добротворите ненавидящим вас. Подобные дела повторились и в ливонском походе царя, когда в 1656 г. началась война со Швецией.

Можно думать, что походные наблюдения и впечатления не остались без влияния на план общественной благотворительности, составившийся в уме Ртищева. Этот план рассчитан был на самые больные язвы тогдашней русской жизни. Прежде всего крымские татары в XVI и XVII вв. сделали себе прибыльный промысел из разбойничьих нападений на Русскую землю, где они тысячами и десятками тысяч забирали пленных, которых продавали в Турцию и другие страны. Чтобы спасти и воротить домой этих пленных, московское правительство устроило их выкуп на казенный счет, для чего ввело особый общий налог, полоняничные деньги. Этот выкуп назывался «общей милостыней», в которой все должны были участвовать: и царь, и все православные христиане, его подданные. По соглашению с разбойниками были установлены порядок привоза пленного товара и тариф, по которому он выкупался, смотря по общественному положению пленников. Выкупные ставки во времена Ртищева были довольно высоки: за людей, стоявших в самом низу тогдашнего общества, за крестьян и холопов назначено было казенного окупа около 250 р. на наши деньги за человека; за людей высших классов платили тысячи. Но государственное воспособление выкупу было недостаточно.

Насмотревшись во время походов на страдания пленных, Ртищев вошел в соглашение с жившим в России купцом греком, который, ведя дела с магометанским Востоком, на свой счет выкупал много пленных христиан. Этому доброму человеку Ртищев передал капитал в 17 тыс. рублей на наши деньги, к которому грек, принявший на себя операцию выкупа, присоединил свой вклад, и таким образом составилась своего рода благотворительная компания для выкупа русских пленных у татар. Но верный уговору с царицей, Ртищев не забывал и иноземцев, которых плен забрасывал в Россию, облегчал их тяжелое положение своим ходатайством и милостыней.

Московская немощеная улица XV в. была очень неопрятна: среди грязи несчастие, праздность и порок сидели, ползали и лежали рядом; нищие и калеки вопили к прохожим о подаянии, пьяные валялись на земле. Ртищев составил команду рассыльных, которые подбирали этот люд с улиц в особый дом, устроенный им на свой счет, где больных лечили, а пьяных вытрезвляли и потом, снабдив необходимым, отпускали, заменяя их новыми пациентами. Для престарелых, слепых и других калек, страдавших неизлечимыми недугами, Ртищев купил другой дом, тратя на их содержание свои последние доходы. Этот дом под именем Больницы Федора Ртищева существовал и после его смерти, поддерживаемый доброхотными даяниями.

Так Ртищев образовал два типа благотворительных заведений: амбулаторный приют для нуждающихся во временной помощи и постоянное убежище – богадельню для людей, которых человеколюбие должно было взять на свои руки до их смерти. Но он прислушивался к людской нужде и вне Москвы и здесь продолжал дело своей предшественницы Ульяны Осорьиной: кстати сказать, и его мать звали Ульяной. Случился голод в Вологодском краю. Местный архиепископ помогал голодающим, сколько мог. Ртищев, растратив деньги на свои московские заведения, продал все свое лишнее платье, всю лишнюю домашнюю утварь, которой у него, богатого барина, было множество, и послал вырученные деньги вологодскому владыке, который, прибавив к пожертвованию и свою малую толику, прокормил много бедного народа.

С осторожным и глубоко сострадательным вниманием останавливался Ртищев перед новым родом людей, нуждавшимся в сострадательном внимании, который во времена Иулиании только зарождался: в XVII в. сложилось крепостное состояние крестьян. Личная свобода крестьян была одною из тех жертв, какие наше государство в XVI в. было вынуждено принести в борьбе за свою целость и внешнюю безопасность. Биограф Ртищева только двумя-тремя чертами обозначил его отношение к этому новому поприщу благотворения, но чертами, трогающими до глубины души.

Будучи крупным землевладельцем, он однажды должен был, нуждаясь в деньгах, продать свое село Ильинское. Сторговавшись с покупщиком, он сам добровольно уменьшил условленную цену, но при этом подвел нового владельца к образу и заставил его побожиться, что он не увеличит человеколюбиво рассчитанных повинностей, какие отбывали крестьяне села в пользу прежнего барина – необычная и немного странная форма словесного векселя, взятого на совесть векселедателя. Поддерживая щедрыми ссудами инвентарь своих крестьян, он больше всего боялся расстроить это хозяйство непосильными оброками и барщинными работами и недовольно хмурил брови всякий раз, когда в отчетах управляющих замечал приращение барского дохода.

Мужчина из племени кривичей, XII–XIII вв.

Известно, как заботился древнерусский человек о загробном устроении своей души с помощью вкладов, посмертной молитвы и поминовения. Вотчины свои Ртищев завещал

своей дочери и зятю кн. Одоевскому. Он заказал наследникам отпустить всех своих дворовых на волю. Тогда законодательство еще не выработало порядка увольнения крепостных крестьян с землей целыми обществами. «Вот как устроите мою душу, – говорил Ртищев перед смертью зятю и дочери, – в память по мне будьте добры к моим мужикам, которых я укрепил завами, владейте ими льготно, не требуйте от них работ и оброков свыше силы-возможности, потому что они нам братья; это моя последняя и самая большая к вам просьба».

Ртищев умел сострадать положению целых обществ или учреждений, как сострадают горю отдельных лиц. Мы все помним прекрасный рассказ, читанный нами еще на школьной скамье в учебнике. Под Арзамасом у Ртищева была земля, за которую ему давали частные покупатели до 17 тыс. рублей на наши деньги. Но он знал, что земля до зарезу нужна арзамасцам, и предложил городу купить ее хотя бы за пониженную цену. Но городское общество было так бедно, что не могло заплатить сколько-нибудь приличной цены, и не знало, что делать. Ртищев подарил ему землю.

Современники, наблюдавшие двор царя Алексея, свои и чужие, оставили очень мало известий о министре этого двора Ртищеве. Один иностранный посол, приезжавший тогда в Москву, отозвался о нем, что, едва имея 40 лет от роду, он превосходил благоразумием многих стариков. Ртищев не выставлялся вперед. Это был один из тех скромных людей, которые не любят идти в первых рядах, но, оставаясь позади и высоко подняв светочи над головами, освещают путь передовым людям.

Особенно трудно было уследить за его благотворительной деятельностью. Но его понимали и помнили среди низшей братии, за которую он положил свою душу. Его биограф, описывая его смерть, передает очень наивный рассказ. Ртищев умер в 1673 г. всего 47 лет от роду. За два дня до его смерти жившая у него в доме девочка лет 12, которую он привечал за ее кроткий нрав, помолившись, как было заведено в этом доме, улеглась спать и, задремав, видит: сидит ее больной хозяин, такой веселый да нарядный, а на голове у него точно венец. Вдруг, откуда ни возьмись, подходит к нему молодец, тоже нарядно одетый, и говорит: «Зовет тебя царевич Алексей», – а этот царевич, воспитанник Ртищева, тогда был уже покойником. – «Погоди немного, нельзя еще», – отвечал хозяин. Молодец ушел. Скоро пришли двое других таких же и опять говорят: «Зовет тебя царевич Алексей». – Хозяин встал и пошел, а за ноги его уцепились две малютки, дочь его да племянница, и не хотят отстать от него. Он отстранил их, сказав: «Отойдите, не то возьму вас с собой». Вышел хозяин из палаты, а тут перед ним очутилась лестница от земли до самого неба, и полез он по этой лестнице, а там на выси небесной объявился юноша с золотыми крылышками, протянул хозяину руку и подхватил его. В этом сне девочки, рассказанном в девичьей Ртищева, отлились все благородные слезы бедных людей, утертые хозяином. Много рассказывали и про самую смерть его. В последние минуты, уже совсем приготовившись, он позвал к себе в спальню нищих, чтобы из своих рук раздать им последнюю милостыню, потом прилег и забылся. Вдруг его угасавшие глаза засветились, точно озаренные каким-то видением, лицо оживилось, и он весело улыбнулся: с таким видом он и замер. Всю жизнь страдать, благотворить и умереть с веселой улыбкой – вполне заслуженный конец такой жизни.

Ф. М. Ртищев на памятнике «Тысячелетие России» в Великом Новгороде

Не осталось известий о том, нашло ли отголосок в землевладельческом обществе отношение Ртищева к крепостным крестьянам; но его благотворительная деятельность, по-видимому, не осталась без влияния на законодательство, добрые идеи, поддержанные добрыми проводниками и примерами, легко облекаются в плоть и кровь своего рода, в обычаи, законы, учреждения. Нерасчетливая частная благотворительность Древней Руси вскормила ремесло нищенства, стала средством питания праздности и сама нередко превращалась в холодное исполнение церковного приличия, в раздачу копеечек просящим вместо помощи нуждающимся. Милостивцы, подобные Иулиании и Ртищеву, восстановляли истинное христианское значение милостыни, источник которой – теплое сострадательное чувство, а цель – уничтожение нужды, нищеты, страдания. В этом же направлении после Ртищева начинает действовать и законодательство.

Со времени Алексеева преемника идет длинный ряд указов против праздного ремесленного нищенства и частной ручной милостыни. С другой стороны, государственная власть подает руку церковной для дружной работы над устройством благотворительных заведений. При царе Федоре Алексеевиче произвели разборку московских нищих: действительно беспомощных велено содержать на казенный счет в особом приюте, а здоровым лентяям дать работу, может быть, в задуманных тогда же рабочих домах.

Предположено было построить в Москве два благотворительных заведения, больницу и богадельню для болящих, бродящих и лежащих по улицам нищих, чтобы они там не бродили и не валялись: по-видимому, предполагались заведения, подобные тем, какие устроены были Ртищевым. На церковном соборе 1681 г. царь предложил патриарху и архиереям устроить такие же убежища для нищих и в провинциальных городах, и собор принял предложение. Так частный почин доброго и влиятельного человека дал прямой или косвенный толчок мысли об устройстве целой системы церковно-государственных благотворительных заведений и не только оживил, без сомнения, усердие доброхотных дателей к доброму делу, но и подсказал самую его организацию, желательные и возможные формы, в которые оно должно было облечься.

Тем ведь и дорога память этих добрых людей, что их пример в трудные минуты не только ободряет к действию, но и учит, как действовать. Иулиания и Ртищев – это образцы русской благотворительности. Одинаковое чувство подсказывало им различные способы действия, сообразные с положением каждого. Одна благотворила больше дома, в своем тесном сельском кругу; другой действовал преимущественно на широкой столичной площади и улице. Для одной благодеяние было выражением личного сострадания; другой хотел превратить его в организованное общественное человеколюбие. Но идя различными путями, оба шли к одной цели: не теряя из вида нравственно-воспитательного значения благотворительности, они смотрели на нее, как на непрерывную борьбу с людской нуждой, с горем беспомощного ближнего. Они и им подобные воспитатели и пронесли этот взгляд через ряд веков, и он доселе живет в нашем обществе, деятельно обнаруживаясь всякий раз, когда это нужно. Сколько Ульян незаметно и без шума ведет теперь эту борьбу по захолустьям пораженных нуждой местностей! Есть, без сомненья, и Ртищевы, и они не переведутся. По завету их жизни будут действовать даже тогда, когда их самих забудут. Из своей исторической дали они не перестанут светить, подобно маякам среди ночной мглы, освещая нам путь и не нуждаясь в собственном свете. А завет их жизни таков: жить – значит любить ближнего, т. е. помогать ему жить; больше ничего не значит жить и больше не для чего жить.

Нестор и Сильвестр

В составном, сводном изложении дошло до нас древнейшее повествование о том, что случилось в нашей земле в IX, X, XI и в начале XII вв. по 1110 г. включительно. Рассказ о событиях этого времени, сохранившийся в старинных летописных сводах, прежде было принято называть Летописью Нестора, а теперь чаще называют Начальной летописью. В библиотеках не спрашивайте Начальной летописи – вас, пожалуй, не поймут и переспросят: «Какой список летописи нужен вам?» Тогда вы, в свою очередь, придете в недоумение. До сих пор не найдено ни одной рукописи, в которой Начальная летопись была бы помещена отдельно в том виде, как она вышла из-под пера древнего составителя. Во всех известных списках она сливается с рассказом ее продолжателей, который в позднейших сводах доходит обыкновенно до конца XVI в.

Если хотите читать Начальную летопись в наиболее древнем ее составе, возьмите Лаврентьевский или Ипатьевский ее список. Лаврентьевский список – самый древний из сохранившихся списков общерусской летописи. Он писан в 1377 г. «худым, недостойным и многогрешным рабом Божиим мнихом Лаврентием для князя Суздальского Димитрия Константиновича», тестя Димитрия Донского, и хранился потом в Рождественском монастыре в городе Владимире, на Клязьме. В этом списке за Начальной летописью следуют известия о Южной, Киевской, и о Северной, Суздальской, Руси, прерывающиеся на 1305 г.

Другой список, Ипатьевский, писан в конце XIV или в начале XV столетия и найден в костромском Ипатьевском монастыре, отчего и получил свое название. Здесь за Начальной летописью следует подробный и превосходный по простоте, живости и драматичности рассказ о событиях в Русской земле, преимущественно в Южной, Киевской Руси XII в., а с 1201 по 1292 г. идет столь же превосходный и часто поэтический рассказ Волынской летописи о событиях в двух смежных княжествах – Галицком и Волынском.

Рассказ с половины IX столетия до 1110 г. включительно по этим двум спискам и есть древнейший вид, в каком дошла до нас Начальная летопись. Прежде, до половины прошлого столетия, критика этого капитального памятника исходила из предположения, что весь он – цельное произведение одного писателя, и потому сосредоточивала свое внимание на личности летописца и на восстановлении подлинного текста его труда. Но, всматриваясь в памятник ближе, заметили, что он не есть подлинная древняя киевская летопись, а представляет такой же летописный свод, каковы и другие позднейшие, а древняя киевская летопись есть только одна из составных частей этого свода.

Нестор-летописец. Скульптура работы М. М. Антокольского. 1890 г.

Следы древнего летописца. До половины XI в. в Начальной летописи не встречаем следов этого древнего киевского летописца, но во второй половине века он несколько раз выдает себя. Так, под 1065 годом, рассказывая о ребенке-уроде, вытащенном рыбаками из речки Сетомли близ Киева, летописец говорит: «…его же позоровахом до вечера». Был ли он тогда уже иноком Печерского монастыря или бегал мальчиком смотреть на диковину, сказать трудно. Но в конце XI в. он жил в Печерском монастыре. Рассказывая под 1096 годом о набеге половцев на Печерский монастырь, он говорит: «…и придоша на монастырь Печерский, нам сущим по кельям почивающим по заутрени». Далее узнаем, что летописец был еще жив в 1106 г. В этом году, пишет он, «скончался старец добрый Ян, живший 90 лет, в ста-

рости маститой, жил он по Закону Божию, не хуже был первых праведников, от него же и аз многа словеса слышах, еже и вписах в летописаньи сем». На основании этого можно составить некоторое понятие о начальном киевском летописце. В молодости он жил уже в Киеве, в конце XI и в начале XII в. был, наверное, иноком Печерского монастыря и вел летопись. С половины XII в., даже несколько раньше, и летописный рассказ становится подробнее и теряет легендарный отпечаток, какой лежит на известиях летописи до этого времени.

Кто он был? Кто был этот летописец? Уже в начале XIII столетия существовало предание в Киево-Печерском монастыре, что это был инок того же монастыря Нестор. Об этом Несторе, «иже написа летописец», упоминает в своем послании к архимандриту Акиндину (1224–1231) монах того же монастыря Поликарп, писавший в начале XIII столетия. Историограф Татищев откуда-то знал, что Нестор родился на Белоозере.

Нестор известен в нашей древней письменности как автор двух повествований, жития преподобного Феодосия и сказания о святых князьях Борисе и Глебе.

Сличая эти памятники с соответствующими местами известной нам Начальной летописи, нашли непримиримые противоречия. Например, в летописи есть сказание об основании Печерского монастыря, где повествователь говорит о себе, что его принял в монастырь сам преподобный, а в житии Феодосия биограф замечает, что он, грешный Нестор, был принят в монастырь уже преемником Феодосия, игуменом Стефаном. Эти противоречия между летописью и названными памятниками объясняются тем, что читаемые в летописи сказания о Борисе и Глебе, Печерском монастыре и преподобном Феодосии не принадлежат летописцу. Они вставлены в летопись составителем свода и писаны другими авторами. Первое – монахом XI в. Иаковом. Два последние, помещенные в летописи под 1051 и 1074 гг., вместе с третьим рассказом под 1091 г. о перенесении мощей преподобного Феодосия представляют разорванные части одной цельной повести, написанной постриженикомом и учеником Феодосиевым, который как очевидец знал о Феодосии и монастыре его времени больше Нестора, писавшего по рассказам старших братий обители. Однако эти разноречия подали повод некоторым ученым сомневаться в принадлежности Начальной летописи Нестору, тем более что за рассказом о событиях 1110 г. в Лаврентьевском списке следует такая неожиданная приписка: «Игумен Силивестр святого Михаила написах книгы си летописец, надеяся от Бога милость прияти, при князи Володимере, княжащю ему Кыеве, а мне в то время игуменящю у святого Михаила, в 6624».

Сомневаясь в принадлежности древней киевской летописи Нестору, некоторые исследователи останавливаются на этой приписке как на доказательстве, что начальным киевским летописателем был игумен Михайловского Выдубицкого монастыря в Киеве Сильвестр, прежде живший иноком в Печерском монастыре. Но и это предположение сомнительно. Если древняя киевская летопись оканчивалась 1110 г., а Сильвестр сделал приписку в 1116 г., то почему он пропустил промежуточные годы, не записавши совершившихся в них событий, или почему сделал приписку не одновременно с окончанием летописи, а пять-шесть лет спустя? С другой стороны, в XIV–XV вв. в нашей письменности, по-видимому, отличали начального киевского летописателя от Сильвестра как его продолжателя. В одном из поздних сводов, Никоновском, после сенсационного рассказа о несчастном для русских нашествии ордынского князя Едигея в 1409 г., современник-летописец делает такое замечание: «Я написал это не в досаду кому-нибудь, а по примеру начального летословца киевского, который, не обинуясь, рассказывает вся временна бытства земская (все события, совершившиеся в нашей земле. – *В. К.*)»; да и наши первые властодержцы без гнева позволяли описывать все доброе и недоброе, случавшееся на Руси, как при Владимире Мономахе, не украшая, описывал оный великий Сильвестр Выдубицкий. Значит, Сильвестр не считался в начале XV в. начальным летословцем киевским.

Разбирая состав Начальной летописи, мы, кажется, можем угадать отношение к ней этого Сильвестра. Эта летопись есть сборник очень разнообразного исторического материала, нечто вроде исторической хрестоматии. В ней соединены и отдельные краткие погодные записи, и пространные рассказы об отдельных событиях, писанные разными авторами, и дипломатические документы, например договоры Руси с греками X в. или послание Мономаха к Олегу Черниговскому 1098 г., спутанное с его же «Поучением к детям» (под 1096 г.), и даже произведения духовных пастырей, например «Поучение Феодосия Печерского». В основание свода легли как главные его составные части три особые цельные повествования.

Борис и Глеб на конях. Икона. Середина XIV в.

Теперь можно объяснить отношение этого Сильвестра и к Начальной летописи, и к летописцу Нестору. Так называемая Начальная летопись, читаемая нами по Лаврентьевскому и родственным ему спискам, есть летописный свод, а не подлинная летопись киево-печерского инока. Эта Киево-Печерская летопись не дошла до нас в подлинном виде, а, частью сокращенная, частью дополненная вставками, вошла в начальный летописный свод как его последняя и главная часть. Значит, нельзя сказать ни того, что Сильвестр был начальным киевским летописцем, ни того, что Нестор составил читаемую нами древнейшую летопись, т. е. начальный летописный свод. Нестор был составителем древнейшей киевской летописи, не дошедшей до нас в подлинном виде, а Сильвестр – составителем начального летописного свода, который не есть древнейшая киевская летопись. Он был и редактором вошедших в состав свода устных народных преданий и письменных повествований, в том числе и самой Нестеровой летописи.

Исторические воззрения летописца. Этот исторический взгляд так сросся с настроением, со всем духовным складом летописца, что его можно назвать летописным, хотя его разделяли люди одинакового с летописцем настроения или мышления, не принимавшие никакого участия в летописном деле. Этот взгляд имеет большое значение в историографии, потому что пережил летописание и долго управлял мышлением ученых-историков. Они долго продолжали смотреть на явления человеческой жизни глазами летописца, даже когда покинули летописные приемы их обработки и изложения. Потому, кажется мне, этот взгляд заслуживает нашего внимания. Научная задача историка, как ее теперь понимают, состоит в уяснении происхождения и развития человеческих обществ. Летописца гораздо более занимает сам человек, его земная и особенно загробная жизнь. Его мысль обращена не к начальным, а к конечным причинам существующего и бывающего. Историк-прагматик изучает генезис и механизм людского общежития; летописец ищет в событиях нравственного смысла и практических уроков для жизни; предметы его внимания – историческая теология и житейская мораль. На мировые события он смотрит самоуверенным взглядом мыслителя, для которого механика общежития не составляет загадки: ему ясны силы и пружины, движущие людскую жизнь.

Два мира противостоят и борются друг с другом, чтобы доставить торжество своим непримиримым началам добра и зла. Борцами являются ангелы и бесы. У дня и ночи, света и мрака, снега и града, весны, лета, осени и зимы есть свой ангел; ко всему, ко всем творениям приставлены ангелы. Так и ко всякому человеку, всякой земле, даже языческой, приставлены ангелы охранять их от зла, помогать им против лукавого. И у противной стороны есть сильные средства и способы действия: это – бесовские козни и злые люди.

Бесы подтолкнут человека на зло и сами же над ним смеются, ввергнув его в пропасть смертную. Прельщают они видениями, волхвованиями, особенно женщин, и разными кознями наводят людей на зло. А злой человек хуже самого беса: бесы хоть Бога боятся, а злой человек «ни Бога ся боит, ни человек ся стыдит». Но и у бесов есть своя слабость – умея внушить людям злые помыслы, они не знают мыслей человеческих, которые ведает только Бог, и потому, пуская свои лукавые стрелы наугад, часто промахиваются. Борьба обоих миров идет из-за человека. Куда, к какому концу направляется житейский водоворот, производимый борьбой, и как в нем держаться человеку – вот главный предмет внимания для летописца. Жизнь дает человеку указания, предостерегающие и вразумляющие; надобно только уметь замечать и понимать их.

Летописец описывает нашествия поганых на Русскую землю, беды, какие она терпит от них. Зачем попускает Бог неверным торжествовать над христианами? Не думай, что Бог любит первых больше, чем последних: нет, Он попускает поганым торжествовать над нами

не потому, что их любит, а потому, что нас милует и хочет сделать достойными Своей милости, чтобы мы, вразумленные несчастиями, покинули путь нечестия. Поганые – это батог, которым Провидение исправляет детей своих. «Бог бо казнит рабы Своя напастьми различными, огнем и водою и ратью и иными различными казньми; хрестьянину бо многими напастьми внити в Царство Небесное».

Печать князя Олега Черниговского. Конец XI в.

Так историческая жизнь служит нравственно-религиозной школой, в которой человек должен научиться познавать пути Провидения. Горе ему, если он разойдется с этими путями. Игорь и Всеволод Святославичи, побив половцев, мечтают о славе, какая ждет их, когда они прогонят поганых к самому морю, куда еще не ходили деды наши, а возьмем до конца свою славу и честь. Говорили они так, «не ведая Божия строения», предназначившего им поражение и плен. Все провозвещает эти пути, не только исторические события, но и физические явления, особенно необычайные знамения небесные. Отсюда напряженный интерес летописца к явлениям природы. В этом отношении его программа даже шире, чем у современного историка. У него природа прямо вовлечена в историю, является не источником стихийных, часто роковых влияний, то возбуждающих, то угнетающих дух человека, даже не просто немой обстановкой человеческой жизни. Она сама – живое, действующее лицо истории, живет вместе с человеком, радеет ему, знамениями вещает ему волю Божию. У летописца есть целое учение о знамениях небесных и земных и об их отношении к делам человеческим. Знамения бывают либо к добру, либо ко злу. Землетрясения, затмения, необычайные звезды, наводнения – все такие редкие, знаменательные явления не на добро бывают, проявляют либо рать, усобицу, голод, мор, либо чью смерть. Согрешит какая-либо земля – Бог казнит ее голодом, нашествием поганых, зноем либо иной какой казнью.

Так летописец является моралистом, который видит в жизни человеческой борьбу двух начал, добра и зла, Провидения и диавола, а человека считает лишь педагогическим материалом, который Провидение воспитывает, направляя его к высоким целям, ему предначертанным. Добро и зло, внешние и внутренние бедствия, самые знамения небесные – все в руках Провидения служит воспитательным средством для человека, пригодным материалом для строения Божия, мирового нравственного порядка, созидаемого Провидением. Летописец более всего рассказывает о политических событиях и международных отношениях, но взгляд его по существу своему – церковно-исторический. Его мысль сосредоточена не на природе действующих в истории сил, известной ему из других источников, а на образе

их действий по отношению к человеку и на уроках, какие человек должен извлекать для себя из этого образа действий. Эта дидактическая задача летописания и сообщает спокойствие и ясность рассказу летописца, гармонию и твердость его суждениям.

Первые киевские князья

Мы старались рассмотреть факт, скрытый в рассказе Начальной летописи о первых киевских князьях, который можно было бы признать началом Русского государства. Мы нашли, что сущность этого факта такова: приблизительно к половине IX в. внешние и внутренние отношения в торгово-промышленном мире русских городов сложились в такую комбинацию, в силу которой охрана границ страны и ее внешней торговли стала их общим интересом, подчинившим их князю Киевскому и сделавшим Киевское варяжское княжество зерном Русского государства. Этот факт надобно относить ко второй половине IX в.: точнее я не решаюсь обозначить его время.

Новгородцы приносят дары приглашенному на княжение Рюрику

Направление деятельности. Общий интерес, создавший великое княжество Киевское, охрана границ и внешней торговли, направлял и его дальнейшее развитие, руководил как внутренней, так и внешней деятельностью первых киевских князей. Читая начальный летописный свод, встречаем ряд полуисторических и полусказочных преданий, в которых историческая правда сквозит чрез прозрачную ткань поэтической саги. Эти предания повествуют о князьях Киевских IX и X вв. – Олеге, Игоре, Святославе, Ярополке, Владимире. Вслушиваясь в эти смутные предания, без особенных критических усилий можно уловить основные побуждения, которые направляли деятельность этих князей.

Покорение восточного славянства. Киев не мог остаться стольным городом одного из местных варяжских княжеств: он имел общерусское значение как узловой пункт торгово-промышленного движения и потому стал центром политического объединения всей земли. Деятельность Аскольда, по-видимому, ограничивалась ограждением внешней безопасности Киевской области: из летописи не видно, чтобы он покорил какое-либо из окольных племен, от которых оборонял своих полян, хотя слова Фотия о Росе, возгордившемся порабощением окрестных племен, как будто намекают на это.

Первым делом Олега в Киеве летопись выставляет расширение владений, собирание восточного славянства под своею властью. Летопись ведет это дело с подозрительной последовательностью, присоединяя к Киеву по одному племени ежегодно. Олег занял Киев в 882 г.; в 883 г. были покорены древляне, в 884 г. – северяне, в 885 г. – радимичи; после того длинный ряд лет оставлен пустым. Очевидно, это порядок летописных воспоминаний или соображений, а не самых событий. К началу XI в. все племена восточных славян были приведены под руку киевского князя; вместе с тем племенные названия появляются все реже, заменяясь областными по именам главных городов. Расширяя свои владения, князья Киевские устанавливали в подвластных странах государственный порядок, прежде всего, разумеется, администрацию налогов.

Старые городовые области послужили готовым основанием административного деления земли. В подчиненных городовых областях по городам Чернигову, Смоленску и др. князья сажали своих наместников, посадников, которыми были либо их наемные дружинники, либо собственные сыновья и родственники. Эти наместники имели свои дружины, особые вооруженные отряды, действовали довольно независимо, стояли лишь в слабой связи с государственным центром, с Киевом, были такие же конинги, как и князь Киевский, который считался только старшим между ними и в этом смысле назывался «великим князем русским», в отличие от князей местных, наместников. Для увеличения важности киевского князя и эти наместники его в дипломатических документах величались «великими князьями». Так, по предварительному договору с греками 907 г. Олег потребовал «укладов» на русские города Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч и другие города, «по тем бо городом седяху велиции князи, под Олгом суще». Это были еще варяжские княжества, только союзные с Киевским: князь сохранял тогда прежнее военно-дружинное значение, не успев еще получить значения династического.

Вещий Олег – правитель Древней Руси

Генеалогическое пререкание, какое затеял под Киевом Олег, упрекая Аскольда и Дира за то, что они княжили в Киеве, не будучи князьями, «ни рода княжа», – притязание Олега, предупреждавшее ход событий, а еще вероятнее – такое же домышление самого составителя летописного свода. Некоторые из наместников, покорив то или другое племя, получали его от киевского князя в управление с правом собирать с него дань в свою пользу, подобно тому как на Западе в IX в. датские викинги, захватив ту или другую приморскую область империи Карла Великого, получали ее от франкских королей в лен, т. е. в кормление. Игорев воевода Свенельд, победив славянское племя улучей, обитавшее по Нижнему Днепру, получал в свою пользу дань не только с этого племени, но и с древлян, так что его дружина, отроки, жила богаче дружины самого Игоря.

Охрана торговых путей. Другою заботой киевских князей была поддержка и охрана торговых путей, которые вели к заморским рынкам. С появлением печенегов в южнорусских степях это стало очень трудным делом. Тот же император Константин, описывая торговые плавания Руси в Царьград, ярко рисует затруднения и опасности, какие приходилось ей одолевать на своем пути. Собранный пониже Киева, под Витичевом, караван княжеских, бояр-

ских и купеческих лодок в июне отправлялся в путь. Днепровские пороги представляли ему первое и самое тяжелое препятствие.

Княгиня Ольга посылает князю Святославу известие о нашествии печенегов на Русь. Миниатюра из Радзивилловской летописи. Конец XV в.

Вы знаете, что между Екатеринославом и Александровском, там, где Днепр делает большой и крутой изгиб к востоку, он на протяжении 70 верст пересекается отрогами Аврaтынских возвышенностей, которые и заставляют его делать этот изгиб. Отроги эти принимают здесь различные формы. По берегам Днепра рассеяны огромные скалы в виде отдельных гор. Самые берега поднимаются отвесными утесами высотой до 35 саженей над уровнем воды и сжимают широкую реку; русло ее загромождается скалистыми островами и перегораживается широкими грядами камней, выступающих из воды заостренными или закругленными верхушками. Если такая гряда сплошь загораживает реку от берега до берега, это – порог; гряды, оставляющие проход судам, называются заборами. Ширина порогов по течению – до 150 саженей; один тянется даже на 350 саженей. Скорость течения реки вне порогов – не более 25 саженей в минуту, в порогах – до 150 саженей. Вода, ударяясь о камни и скалы, несется с шумом и широким волнением. Значительных порогов теперь считают до десяти, во времена Константина Багрянородного считалось до семи. Небольшие размеры русских однодеревок облегчали им прохождение порогов.

Мимо одних Русь, высадив челядь на берег, шестами проталкивала свои лодки, выбирая в реке вблизи берега места, где было поменьше камней. Перед другими, более опасными, она высаживала на берег и выдвигала в степь вооруженный отряд для охраны каравана от поджидавших его печенегов, вытаскивала из реки лодки с товарами и тащила их волоком или несла на плечах и гнала скованную челядь. Выбравшись благополучно из порогов и принесши благодарственные жертвы своим богам, она спускалась в днепровский лиман, отдыхала несколько дней на острове Св. Елевферия (ныне Березань), исправляла судовые снасти, готовясь к морскому плаванию, и, держась берега, направлялась к устьям Дуная, все время преследуемая печенегами. Когда волны прибивали лодки к берегу, руссы высаживались, чтобы защитить товарищей от подстерегавших их преследователей. Дальнейший путь от устьев Дуная был безопасен.

Читая подробное описание этих цареградских поездок Руси у императора, живо чувствуешь, как нужна была русской торговле вооруженная охрана при движении русских купцов к их заморским рынкам. Недаром Константин заканчивает свой рассказ замечанием, что это – мучительное плавание, исполненное невзгод и опасностей.

Оборона степных границ. Но, засаривая степные дороги русской торговли, кочевники беспокоили и степные границы Русской земли. Отсюда третья забота киевских князей – ограждать и оборонять пределы Руси от степных варваров. С течением времени это дело становится даже господствующим в деятельности киевских князей вследствие все усиливавшегося напора степных кочевников.

Олег, по рассказу «Повести временных лет», как только утвердился в Киеве, начал города ставить вокруг него. Владимир, став христианином, сказал: «Худо, что мало городов около Киева», – и начал строить города по Десне, Трубежу, Стугне, Суле и другим рекам. Эти укрепленные пункты заселялись боевыми людьми, «мужами лучшими», по выражению летописи, которые вербовались из разных племен, славянских и финских, населявших русскую равнину. С течением времени эти укрепленные места соединялись между собою земляными валами и лесными засеками. Так, по южным и юго-восточным границам тогдашней Руси, на правой и левой стороне Днепра, выведены были в X и XI вв. ряды земляных окопов и сторожевых «застав», городков, чтобы сдерживать нападения кочевников. Все княжение Владимира Святого прошло в упорной борьбе с печенегами, которые раскинулись по обеим сторонам Нижнего Днепра восьмью ордами, делившимися каждая на пять колен.

Около половины X в., по свидетельству Константина Багрянородного, печенеги кочевали на расстоянии одного дня пути от Руси, т. е. от Киевской области. Если Владимир строил города по р. Стугне (правый приток Днепра), значит, укрепленная южная степная граница Киевской земли шла по этой реке на расстоянии не более одного дня пути от Киева. В начале XI в. встречаем указание на успех борьбы Руси со степью. В 1006–1007 гг. через Киев проезжал немецкий миссионер Бруно, направляясь к печенегам для проповеди Евангелия. Он остановился погостить у князя Владимира, которого в письме к императору Генриху II называет сеньором Руссов (senior Ruzorum).

Князь Владимир уговаривал миссионера не ездить к печенегам, говоря, что у них он не найдет душ для спасения, а скорее сам погибнет позорною смертью. Князь не мог уговорить Бруно и вызвался проводить его со своей дружиной (cum exercitu) до границ своей земли, «которые он со всех сторон оградил крепким частоколом на весьма большом протяжении по причине скитающихся около них неприятелей». В одном месте князь Владимир провел немцев воротами чрез эту линию укреплений и, остановившись на сторожевом степном холме, послал сказать им: «Вот я довел вас до места, где кончается моя земля и начинается неприятельская». Весь этот путь от Киева до укрепленной границы пройден был в два дня.

Мы заметили выше, что в половине X в. линия укреплений по южной границе шла на расстоянии одного дня пути от Киева. Значит, в продолжение полувековой упорной борьбы при Владимире Русь успела пробиться в степь на один день пути, т. е. передвинуть укрепленную границу на линию реки Роси, где преемник Владимира Ярослав «поча ставити городы», населяя их пленными ляхами. Так первые киевские князья продолжали начавшуюся еще до них деятельность вооруженных торговых городов Руси, поддерживая сношения с приморскими рынками, охраняя торговые пути и границы Руси от степных ее соседей.

Население и пределы Русской земли в XI в. Описавши деятельность первых киевских князей, сведем ее результаты, бросим беглый взгляд на состояние Руси около половины XI в. Своим мечом первые киевские князья очертили довольно широкий круг земель, политическим центром которых был Киев. Население этой территории было довольно пестрое. В состав его постепенно вошли не только все восточные славянские племена, но и некоторые из финских: чудь прибалтийская, весь белозерская, меря ростовская и мурома по Нижней Оке. Среди этих инородческих племен рано появились русские города. Так, среди прибалтийской чуди при Ярославе возник Юрьев (Дерпт), названный так по христианскому имени Ярослава; еще раньше являются правительственные русские средоточия среди финских пле-

мен на востоке, среди муромы, мери и веси – Муром, Ростов и Белозерск. Ярослав построил еще на берегу Волги город, названный по его княжескому имени Ярославлем.

Киевские князья Рюрик, Игорь и Святослав. Фрагмент росписи Грановитой палаты Московского Кремля

Русская территория, таким образом, простиралась от Ладожского озера до устьев реки Роси, правого притока Днепра, и Ворсклы или Пела, левых притоков; с востока на запад она шла от устья Клязьмы, на которой при Владимире Мономахе возник город Владимир (Залесский), до области верховьев Западного Буга, где еще раньше, при Владимире Святом, возник другой город – Владимир (Волынский). Страна древних хорватов Галиция была в X и XI вв. спорным краем, переходившим между Польшей и Русью из рук в руки. Нижнее течение реки Оки, которая была восточной границею Руси, и низовья южных рек – Днепра, Восточного Буга и Днестра – находились, по-видимому, вне власти киевского князя. В стороне Русь удерживала еще за собой старую колонию Тмутаракань, связь с которой поддерживалась водными путями по левым притокам Днепра и рекам Азовского моря.

Князь Рюрик. Портрет из Царского титулярника

Рюрик – первый русский князь, призванный «Чудью, Весью, Словенами и Кривичами», «из Варяг» (из племени Русь), «княжить и володеть ими»; в 862 г. занял Ладогу, а через два года, по смерти своих братьев Синеуса и Трувора, присоединил к ней и их владения – Белоозеро и Изборск; перенес столицу в Новгород и срубил город над Волховом (нын. Городище), где впоследствии жили новгородские князья. В другие города (по летописи – Полоцк, Ростов и Белоозеро) он послал «своих мужей». В 866 г. он отпустил к Царьграду двух своих бояр Аскольда и Дира,

по позднейшим летописям видно, что им далеко не все были довольны в Новгороде; многие бежали от него в Киев, а какой-то Вадим возбудил восстание против него, но Рюрик одолел восставших. В 879 г. он умер, вручив правление и малолетнего сына своего Игоря своему родственнику Олегу.

По некоторым известиям, у Рюрика была еще дочь и пасынок Аскольд. Потомство Рюрика правило в России с лишком 700 лет, до смерти Федора Иоанновича (1598). Одни исследователи объясняют имя Рюрика из древненорманнского языка, другие находят аналогичные ему и в славянском языке.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона

О. П. Федорова
Допетровская Русь. Исторические портреты

Рюрик

Русская княжеская династия, согласно летописи («Повесть временных лет»), берёт свое начало в Новгороде. Из той же летописи мы узнаём, что приднепровские славяне были вынуждены начиная с VIII в. подчиняться хазарам, а северные славянские и некоторые финские племена в середине IX в. платили дань варягам, которые брали её мехами и потом продавали их на международных рынках. Но однажды некоторые подневольные племена, воспротивившись этому, изгнали варягов «за море» – за Балтийское, или, как его тогда называли, Варяжское море.

Однако потом эти взбунтовавшиеся племена перессорились друг с другом. Не было у них тогда единого закона («правды»), который мог бы цементировать их взаимопонимание. У каждого племени были свои представления о порядке, и они не хотели подчиняться законам своих соседей.

Георг Вехтер. Медаль из портретной серии «Великий Князь Рюрик». XVIII в.

По летописи, представители этих племён пригласили в 862 г. варяжского князя Рюрика (?–879) с братьями Синеусом и Трувором на свою землю со словами: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». Согласно летописи, Рюрик княжил в Новгороде, его братья: Синеус – на Белоозере, Трувор – в Изборске. А через два года, когда они умерли, Рюрик стал владеть всей Новгородской землёй.

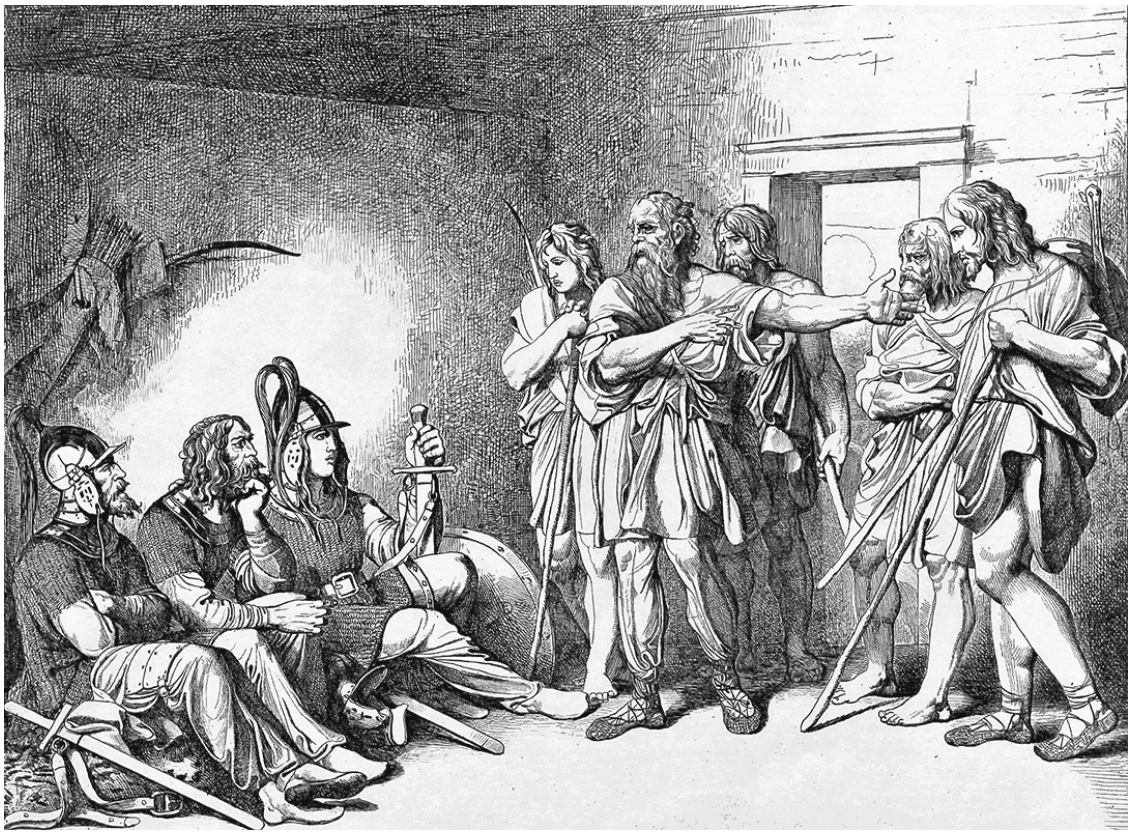
Поскольку летопись – это историко-литературный памятник, поэтому и не все её предания учёные считают достоверными. Но автор летописи ничего не придумывал, создавая её в XI–XII вв. Он, допущенный в княжеский архив, использовал его документы, в которых отразились конкретные события, хотя и опирался, естественно, на вполне тенденциозную историографию, идеологом которой являлась правящая знать Киева. Так было во все времена и во всех странах. Составной частью летописи стал, конечно, и фольклор. Летописное предание о «призвании» варягов стало предметом спора не одного поколения историков. И главным в этих дискуссиях было определение роли варягов в создании Древнерусского государства.

Начались эти споры ещё в XVIII в. Российские учёные немецкого происхождения – Г. З. Байер Г. Ф. Миллер, А. Л. Шлёцер и другие, познакомившись с летописями и опираясь на их содержание, явились авторами так называемой «норманнской теории» созда-

ния русского государства. Согласно этой теории, его основателями являлись норманны (варяги), то есть явно преувеличивалась роль варягов в создании государства. Позже наиболее ярые сторонники этой теории (главным образом за границей) стали всячески подчёркивать мысль о якобы неполноценности славян, об их неспособности к со зданию государственных отношений. Утверждалось, что лишь благодаря норманнам была создана Русь. Но ведь невозможно сформировать государство там, где нет для этого определённых социально-экономических предпосылок и хотя бы полугосударственных образований. А сам факт существования их ещё до Рюрика на территории будущей Руси не хотели замечать сторонники «норманнской теории». Именно поэтому и отвергали «норманнскую теорию» создания русского государства М. В. Ломоносов, в XIX в. – Д. И. Иловайский С. А. Гедеонов и другие, а позже и советские историки. И действительно, на основе конкретных исторических источников доказано, что Русь не была до призвания варягов территорией лишь охотников и рыболовов, как это представляли себе некоторые сторонники и защитники «норманнской теории» Восточные славяне к тому времени обладали навыками развитого земледелия, ремёсел; у них уже появились первичные классово-социальные, государственные отношения в племенах и союзах племён, Когда и как возникли первые княжества восточных славян, предшествующие образованию Древнерусского государства, сегодня установить трудно, но они точно уже существовали до 862 г. В германской хронике 832 г. русские князья именуются хаканами – царями.

По поводу факта призвания Рюрика в качестве главы Древнерусского государства В. О. Ключевский высказывал предположение, которое будут развивать и другие историки: «…Заморские варяжские князья с дружиной призваны были новгородцами и союзными с ними племенами для защиты страны от каких-то внешних врагов и получали определённый корм за свои сторожевые услуги… Почувствовав свою силу, наёмники превратились во властителей. Таков простой прозаический факт, по-видимому, скрывавшийся в поэтической легенде о призвании князей».

Н. М. Карамзин в качестве аргумента в споре о происхождении Древнерусского государства указывал на то, что «самое имя князь, данное нашими предками Рюрику, не могло быть новым, но, без сомнения, и прежде означало у них (у славян. – *О. Ф.*) знаменитый сен, гражданский или воинский».



Ф. А. Бруни. Призвание варягов. Гравюра. 1839 г.

Л. Джиаре и В. Станджи. Династия Рюриковичей. Гравюра. XIX в.

Дискуссия вокруг проблемы возникновения Древнерусского государства не остывала, а временами всё более разгоралась и в советской науке, начиная с 20-х гг. XX в. Причём в связи с изучением опубликованной в СССР работы К. Маркса «Разоблачение дипломатической истории XVIII века» вдруг выяснилось, что первым норманнистом у марксистов был сам К. Маркс. Естественно, ему вторил «главнокомандущий» исторической науки первого двадцатилетия советской власти большевик М. Н. Покровский. Марксизм становится методологической основой любого гуманитарного исследования в СССР. Историки, в том числе и такой крупный учёный, как С. В. Бахрушин, искренне или нет, но превращаются в «норманнистов». Причём даже не обращается внимание на то, что работа Маркса – лишь очерк газетной публикации, автор которой опирался на ограниченный круг источников, а сам он называл подобные свои работы «пачкотнёй», а далее, к концу 1930-х гг., начинается, как утверждали на Западе, «гробовое молчание» вокруг этого произведения Маркса. Такое заявление советологов было, конечно, преувеличением. Но название марксова очерка действительно почти не упоминалось историками, в ряде работ они существенно «подправляли» отдельные положения газетного опуса классика. А на Западе идеологические противники советских историков квалифицировали «подправления» Маркса как проявление политики борьбы с космополитами. В перестроечные 1980-е гг. в этом упрекали даже известного советского учёного Б. Д. Грекова, который занимался проблемой роли варягов в истории Руси более двадцати лет и к тому времени уже более тридцати лет покоился на кладбище.

Вот какой вывод делал Б. Д. Греков в 1940-х гг.: «Варяжская дружина очень хорошо поняла, что необходимо для удержания в своих руках захваченной власти, и варяги заговорили на русском языке, стали молиться русским богам, называть своих детей славянскими именами и выполнять задачи, поставленные перед Русским государством всем ходом предшествующей истории. Объединение Новгорода и Киева (по арабским источникам – Славии и Куявии), освобождение из-под власти хазар славянской территории, проникновение к Дунаю и к Чёрному морю, установление ранее неустойчивой западной государственной границы – таковы в самых общих чертах эти задачи». Он даже позволял себе,

советскому историку, опасную вольность – противоречие марксовым «норманнистским» высказываниям: «Новгород и Киев объединяются без всякого участия варягов». Эта формулировка была опубликована в посмертном издании его книги «Киевская Русь» (1953). Трудно поверить, что это высказывание является лишь данью времени «борьбы с космополитизмом», развернувшейся в СССР после Великой Отечественной войны. Иначе чем объяснить, что ещё в 1938 г. один из историков вдруг вопрошает: «…Как могла «шайка грабителей» возглавить процесс объединения славянских племён в Киевском государстве?», – имея в виду варягов на Руси, и, возражая самому С. В. Бахрушину, замечает, что варяги «лишь возглавили процесс, который шёл внутри славянских обществ»? Тогда, впрочем, ещё «борьба с космополитизмом» не объявлялась.

На международном форуме в Дании (1968 г.) один из его участников, учёный К. Рабек-Шмидт был отчасти прав, отмечая, что неонорманнисты и неоантинорманнисты принадлежат к разным политическим системам, а это придаёт ненужную политическую окраску научной дискуссии. Некоторые российские историки в порыве дискуссионных страстей времён борьбы с «норманнистами» ушли в другую крайность. Они вообще отрицали или существование Рюрика, или его варяжское происхождение. По поводу происхождения даже самого названия государства – «Русь» – до сих пор нет единого мнения.

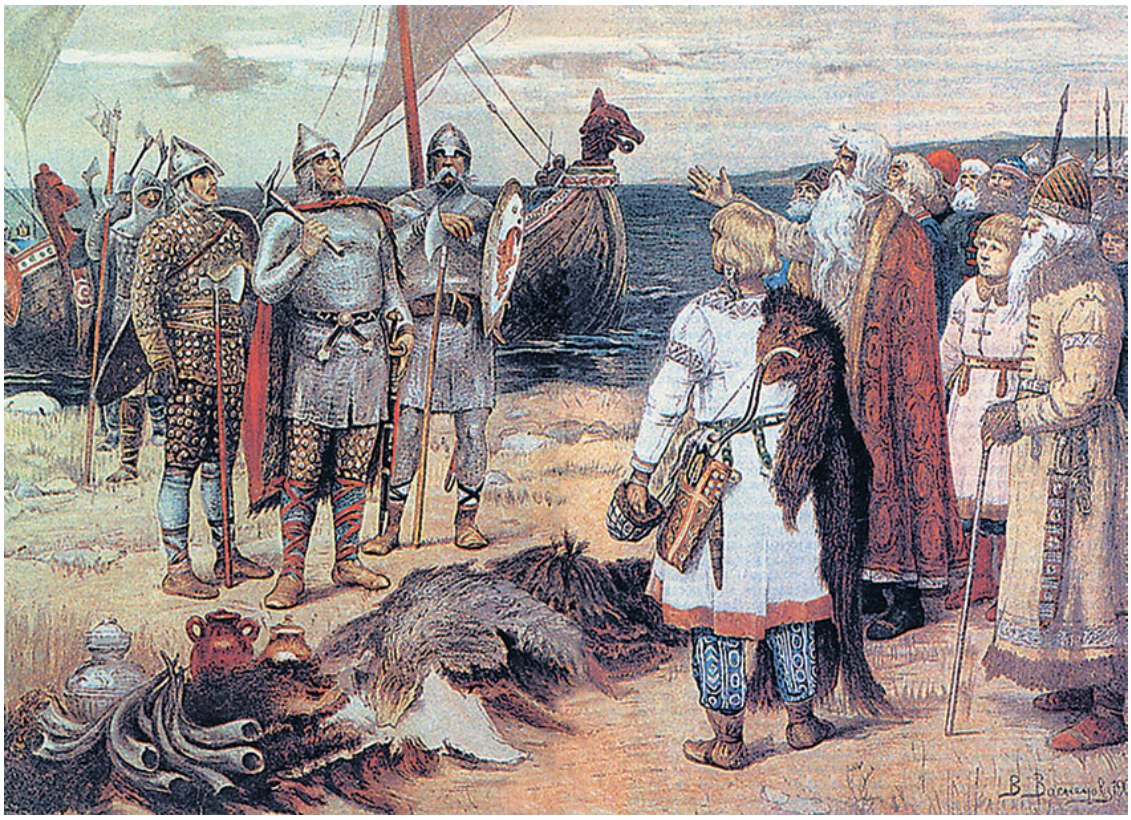
Советский историк В. Т. Пашуто признавал объединение Руси «под властью князей варяжской династии», но при этом доказывал, что Русь «представляла собой тогда конфедерацию четырнадцати княжений, выросших на землях бывших племён». Причем подобного рода княжения были и «у поморских славян, у пруссов, у литовцев, латышей, эстонцев».

Вид на Староладожскую крепость, впервые возведенную в IX – X вв., со стороны реки Волхов

Археологи, работавшие в Ладоге, на основе своих находок давно уже сделали вывод, что Рюрик был призван не в Новгород, а в Ладогу – крупный портовый город того времени, с огромными возможностями для развития торговли и ремёсел. К такому выводу приходил Б. А. Рыбаков. Этого мнения придерживаются и сегодня археологи, работающие непосредственно с ладожскими находками.

Историк В. В. Похлёбкин – один из тех, кто совершенно уверенно высказался, что в 859 г. произошло занятие Рюриком Ладоги, а затем и тех земель, которые прилегают к реке Волхов и озеру Ильмень; а уже в 862 г. Новгород Великий превращается в столицу. И лишь после смерти Рюрика его преемник Олег в 882 г. переезжает в Киев, который и становится столицей вплоть до 1237 г. Летопись, содержащая информацию о призвании Рюрика, создавалась тогда, когда Киев был столицей государства уже не один век. Может быть, поэтому память о Ладоге померкла.

Б. А. Рыбаков, убеждённый и – как утверждали его современники – ортодоксальный антинорманнист, не отрицал факт формирования варяжской знати, которая вливалась в состав славянского боярства, но при этом указывал на конфликты киевских князей с наёмными варяжскими дружинами.



В.М. Васнецов. Варяги. 1909 г.

А. В. Арциховский в 1962 г. на международном конгрессе, на котором отмечалось, что все письменные источники по «норманнской» проблеме исчерпаны, лаконично высказался: «Варяжский вопрос чем дальше, тем больше становится предметом ведения археологии». Результаты его археологических работ в Новгороде, начатых ещё до Великой Отечественной войны, возобновлённых после её окончания, а затем продолженных им и его последователями, в том числе В. Л. Яниным, вообще открыли новую, неизведанную страницу истории Руси, её экономики, политики, культуры – великой культуры древности, благодаря найденным многочисленным берестяным грамотам – своеобразным новым письменным источникам, да и вещественным памятникам также.

Сотрудничество скандинавских и советских археологов постепенно привело их к взаимопониманию. Даже учёный из Швеции Х. Арбман стал подвергать сомнению многие из норманнистских догм, хотя и принадлежал к норманнистам по своим убеждениям. Он заявил, что находки археологов всё же не позволяют говорить об «основании государ-

ства» на Руси варягами, что было главным тезисом в более чем двухсотлетнем споре противников. Учёные и в Скандинавии, и в России, решая эти научные проблемы параллельно, всё более стараются обмениваться опытом на международных конференциях. Симптоматичным было выступление западного историка А. Стендер-Петерсона на X Международном конгрессе исторических наук в Риме ещё в 1955 г. Он говорил: «Советская наука по праву оспаривает устаревшее воззрение, согласно которому государства возникают в результате инициативы отдельных лиц, которые без каких-либо доказуемых предпосылок социологического характера оказываются во главе войска и внезапно захватывают власть».

Если предание о призвании варягов не вымысел, то очевидно, что княжеская династия Рюриковичей имела норманнское происхождение. Но научная несостоятельность «норманнской теории» о создании варягами Русского государства убедительно доказана многими учёными на основе исследования древних источников. Большая часть современных российских историков отвергает норманнскую теорию, однако среди зарубежных авторов есть её сторонники, и они, конечно, не в столь примитивной форме, как это делалось раньше, но всё же отстаивают свои позиции.

Итак, в IX в. скандинавские племена были на том же уровне развития государственных отношений, что и славяне. Варяжское влияние не отразилось значительно ни на политических, ни на этнокультурных процессах развития народов Севера и центра Восточной Европы, хотя взаимовлияние культур славянских, финноугорских, тюркских, а также и норманнских племён являлось объективным процессом в их развитии.

Государственное образование, которым управлял Рюрик, было с самого начала многоплемённым. Уже тогда закладывались основы будущего многонационального государства. Изучая летопись, Н. М. Карамзин отметил: «Память Рюрика… осталась бессмертною в нашей истории, главным действием его княжения было твёрдое присоединение некоторых финских племён к народу славянскому».

«Рюрик. Великий князь Российский». Гравюра. 1805 г.

Как повествует летопись, Рюрик, став правителем Новгородской земли, направил своих знатных дружинников для сбора дани с её населения во все подвластные ему районы страны. А двое из этих близких ему людей, Аскольд и Дир, не получившие ответственных заданий, отпросились у Рюрика в поход на Царьград (так славяне называли Константинополь – столицу Византии). По дороге они обратили внимание на город, стоявший на высоком берегу Днепра, который им очень понравился. Это был Киев. Они спросили у жителей этого города, кому он принадлежит. В ответ услышали, что город основали Кий и его братья Щек и Хорив. После их смерти поляне, в том числе и жители Киева, подчинились хазарам и до сих пор платят им дань. Аскольд и Дир заняли город, освободив полян от дани хазарам.

Сведения об Аскольде и Дире крайне скудны. Известно, что они предприняли военный поход на Царьград, чтобы обеспечить нормальные условия для торговли киевским купцам. Но в результате в 865 г. Аскольд и Дир приняли христианскую веру от греческих проповедников. Некоторые историки Русской церкви называют это событие первым Крещением Руси.

Княжение Рюрика не было безмятежным. Не все славянские племена согласились принять Рюрика. В летописи упоминается о смутах в Новгороде, которые решительно и безжалостно подавлялись. Сохранилось даже имя предводителя одного из восстаний против варягов. Это был двоюродный брат Рюрика (их матери были родными сестрами) – Вадим Храбрый, и он сам хотел править славянами. Состоялся поединок между братьями, и Вадим был убит Рюриком. Рюрик стал единовластным князем. По летописным преданиям можно судить, что он проявил себя как сильный и бескомпромиссный политик, если так можно ска-

зать о его завоевательных походах тех времён. Об Аскольде и Дире, возглавивших Киев, он, очевидно, сведений не имел.

Рюрик разрешает Аскольду и Диру отправиться с походом на Царьград. Миниатюра из Радзивилловской летописи. Конец XV в.

Княжил Рюрик недолго. Он простудился на охоте и погиб от болезни. Ещё до этого события умерли его братья Синеус и Трувор. После смерти Рюрика княжеская власть перешла к его малолетнему сыну Игорю. Во время его взросления княжил предводитель дружины Рюрика Олег.

Олег, Киевский князь. Гравюра. 1805 г.

Олег – первый князь Киевский из рода Рюрика. Летопись говорит, что Рюрик, умирая, передал власть родственнику своему О., так как сын Рюрика, Игорь, был в то время малолетним. По предположению Соловьева, О. получил власть не как опекун Игоря, а как старший в роду. Три года оставался О. в Новгороде, а затем, набрав войско из варягов и подвластных ему племен чуди, ильменских славян, мери, веси, кривичей, двинулся на юг. Сначала он занял Смоленск и посадил там своего мужа, потом перешел в землю северян и здесь, в Любече, также посадил мужа. Добровольно ли покорились О. эти племена или после сопротивления – летопись не говорит. Когда О. достиг Киева, там уже княжили Аскольд и Дир (см.).

Летопись рассказывает, что О. хитростью вызвал их из города и умертвил, а сам завладел Киевом и сделал его своей столицей, сказав: «Се буди мати градом русским». Он строил города с целью удерживать в своих руках покоренные народы и защищать их от нападений кочевников. Им была наложена дань на ильменских славян, кривичей и мерю. Новгородцы должны были платить по 300 гривен ежегодно на содержание дружины из варягов. После этого О. начинает расширять пределы своих владений, покоряя племена, жившие на восток и запад от Днепра. В 883 г.

покорены были древляне, находившиеся во вражде с полянами; на них была наложена дань по черной кунице с жилья. Северяне платили дань хазарам; О. сказал им: «Я враг хазарам, а вовсе не вам», – и северяне, по-видимому без сопротивления, согласились платить дань ему. Радимичей О. послал спросить: «Кому дань даете?» Те отвечали: «Хазарам». «Не давайте хазарам, а давайте мне», – велел сказать им О., и радимичи стали платить дань ему по два шеляга с рала, как раньше платили хазарам. Не все, впрочем, племена подчинялись так легко: по счету летописца, потребовалось 20 лет, чтобы покорить дулебов, хорватов, тиверцев, а угличей О. так и не удалось покорить. В 907 г. О. предпринял поход на греков, оставив в Киеве Игоря. Войско О. состояло из варягов, ильменских славян, чуди, кривичей, мери, полян, северян, древлян, радимичей, хорватов, дулебов и тиверцев. Ехали на конях и кораблях. По словам летописи, кораблей было 2000, а в каждом корабле по 40 человек; но, конечно, придавать абсолютное значение этим цифрам нельзя.

Летопись украшает рассказ об этом походе разного рода легендами. При приближении русских к Константинополю греки замкнули гавань и заперли город. О. вышел на сушу и стал опустошать окрестности, разрушать здания и храмы, мучить, избивать и бросать в море жителей; велел затем поставить лодки на колеса и при попутном ветре двинулся к городу. Греки испугались и просили не губить города, соглашаясь давать дань, какую только О. захочет. Задумали они затем избавиться от О. отравой, но О. догадался и не принял присланных ему греками кушаний и напитков. После этого начались переговоры. О. послал к императору послов Карла, Фарлофа, Велмуда, Рулава и Стемира, которые потребовали по 12 гривен на корабль и уклады на города Киев, Чернигов, Переяслав, Полоцк, Ростов, Любеч и другие, так как в этих городах сидели мужи О. Русские послы требовали затем, чтобы Русь, приходящая в Царь-Град, могла брать съестных припасов сколько хочет, мыться в банях, для обратного пути запасаться у греческого царя якорями, канатами, парусами и т. п. Византийский император принял эти условия с некоторыми изменениями: русские, пришедшие не для торговли, не берут месячины; князь должен запретить русским грабить греческие села; в Константинополе русские могут жить только у св. Мамы; император посылает чиновника переписать их имена, и тогда уже русские берут свои месячины – сначала киевляне, затем черниговцы, переяславцы и т. д.; входить в город они должны без оружия, в количестве не более 50 человек, в сопровождении императорского чиновника, и тогда уже могут торговать беспошлинно. Императоры Лев и Александр целовали крест при заключении этого договора, О. же и мужи клялись, по русскому обычаю, оружием, богом своим Перуном и скотьим богом Волосом. Летопись передает, далее, что О., возвращаясь домой, велел русским сшить паруса шелковые, а славянам – полотняные, и что воины в знак победы повесили свои щиты на вратах Царя-Града.

О. возвратился в Киев с золотом, дорогими тканями, овощами, винами и всяким узорочьем. Народ дивился ему и прозвал его «вещим», т. е. кудесником, волхвом: «бяхо бо людие погани и невеголоси», – заключает летописец. В 911 г. О. послал своих мужей в Константинополь утвердить договор, заключенный после похода. Были посланы 5 мужей, присутствовавших при заключении первого договора, и сверх того еще 9:

Инегельд, Гуды, Руальд, Карн, Фрелав, Рюар, Актеву, Труан, Бидульфост – имена, большей частью звучащие не по-славянски и показывающие, что дружина состояла тогда в большинстве из скандинавов. Послы от имени О., других князей, бояр и всей Русской земли заключили с византийским императором такой договор: при разборе дела о преступлении нужно основываться на точных показаниях; если кто заподозрит показание, то должен поклясться по обрядам своей веры, что оно ложно; за ложную клятву полагается казнь. Если русин убьет христианина (т. е. грека) или наоборот, то убийца (если будет застигнут) должен быть убит на месте, где совершил убийство; если он убежит и оставит имущество, то, за выделом из него части, следующей по закону, жене, все остальное поступает родственникам убитого; если бежавший имущества не оставит, то он считается под судом до тех пор, пока не будет пойман и казнен смертью. За удар мечом или чем-нибудь другим виновник по русскому закону платит 5 литр серебра; если заплатить всей этой суммы он не в состоянии, то должен внести столько, сколько может, снять затем то платье, в котором ходит, и поклясться, по обрядам своей веры, что у него нет никого, кто бы мог за него заплатить; тогда иск прекращается. Если русин украдет у христианина или наоборот и вор будет пойман на месте, то хозяин украденного, в случае сопротивления вора, может его убить безнаказанно; если же вор отдастся без сопротивления, то его следует связать и взять с него втрое за украденное. Если кто-нибудь из русских или христиан станет кого-нибудь мучить, допытываясь, где имущество, и насилием возьмет что-нибудь, то должен заплатить за взятое втрое. Если греческий корабль будет выброшен на чужую землю, а там случатся русские, то они должны охранять корабль с грузом, отослать его в землю христианскую, провожать через всякое страшное место, пока он не достигнет места безопасного; если корабль сядет на мель или его задержат противные ветра, то русские должны помочь гребцам проводить его в землю греческую, если она окажется близко; если несчастье это случится вблизи земли русской, то корабль проводят в последнюю, груз продается и вся вырученная сумма приносится в Царь-Град, когда русские будут идти туда для торговли или с посольством; если же кто окажется на корабле том убитым, или прибитым, или что-нибудь пропадет, то виновники подвергаются указанному выше наказанию. Если русскому или греку случится быть в какой-нибудь стране, где будут невольники из русских или греков, то он должен выкупить их и доставить в их страну, где ему будет выплачена выкупная сумма; военнопленные также возвращаются на родину, а взявший их в плен получает обыкновенную цену невольника. Русские могут добровольно поступать на службу к греческому императору. Если русские невольники будут приведены на продажу к грекам или наоборот, то они продаются по 20 золотых и отпускаются на родину. Если раб будет украден из Руси, сам уйдет или будет уведен насильно, а господин его станет жаловаться, и жалоба будет подтверждена самим рабом, то последний возвращается на Русь; гости (купцы) русские, потерявшие раба, могут искать его и взять обратно; кто не дает у себя делать обыска, тот тем самым проигрывает дело. Если кто-нибудь из русских, находящихся на службе у византийского императора, умрет, не распорядившись своим имуществом, то оно отсылается к родственникам его на Русь; если распорядится, то оно

поступает к тому, кому завещано, причем наследник получает имущество от земляков, ходящих в Грецию. Если взявшийся доставить имущество утаит его или не возвратится с ним на Русь, то по жалобе русских он может быть насильно возвращен в отечество. Так точно и русские должны поступать относительно греков. После заключения договора император византийский одарил русских послов золотом, одеждой, тканями и, по обычаю, приставил к ним мужей, которые водили их по церквам, показывали богатства и излагали учение Христовой веры. Затем послы были отпущены домой, куда и возвратились в 912 г.

Осенью того же года, по сказанию летописи, О. умер и похоронен в Киеве на Щековице. Место погребения О. занесено в летопись по преданию, не вполне достоверному; есть и другое предание, по которому О. умер во время похода на север и похоронен в Ладоге. По счету летописца, О. княжил 33 года, с 879 (год смерти Рюрика) по 912 г., но хронология первых страниц начальной летописи крайне спутана и неточна.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона

Олег

«Древняя Россия славится не одним героем: никто из них не мог сравниться с Олегом в завоеваниях, которые утвердили её бытие могущественное… Великие дела и польза государственная не извиняют ли властолюбия Олегова? И права наследственные, ещё не утверждённые в России обыкновением, могли ли ему казаться священными?» – так характеризовал Олега и его политику Н. М. Карамзин.

По одним преданиям, Олег был родственником Рюрика, по другим – лишь его воеводой. Он считался регентом при малолетнем сыне Рюрика Игоре. Эта опека длилась довольно долго – около 33 лет, до самой кончины Олега. Похоже, что в 879 г. Олег просто захватил власть в Новгороде после смерти Рюрика.

Олег показывает маленького Игоря Аскольду и Диру. Миниатюра из Радзивилловской летописи. XV в.

Через три года Олег отправился с дружиной на юг, вдоль водного «пути из варяг в греки»[1]. Он завладел Смоленском, Любечем, а затем направился к Киеву. По преданию, в 882 г., узнав, что в Киеве княжат Аскольд и Дир, Олег подошёл к городу с маленьким Игорем на руках и сказал им: «Не князья вы и не княжеского рода, но я княжеского рода, вот Игорь, он сын Рюрика». Аскольд и Дир были убиты. Как отмечал Н. М. Карамзин, «кровь Аскольда и Дира осталась пятном на славе Олега», Он вероломно заманил этих бывших дружинников Рюрика, использовав их доверчивость. Придавал ли язычник Олег значение тому факту, что он убивает христиан?[2] Наверняка нет. Для него было важно установить единовластие князя на обширной территории торгового пути. В летописи говорится: «Властвовал Олег над полянами, древлянами, северянами и радимичами, а с угличами и тиверцами воевал». Покорённые племена были обложены данью. Не все мирились с этим положением. Оказывали активное сопротивление древляне. Оно было безжалостно подав-

[1] «Путь из варяг в греки» – древний водный торговый путь из Балтийского в Чёрное море, по которому в IX–XII вв. шла торговля Руси и Северной Европы с Византией. Путь проходил от Балтийского моря по реке Нева, Ладожскому озеру, реке Волхов, озеру Ильмень, реке Ловать, волоком до реки Западная Двина, волоком до реки Днепр и далее в Чёрное море. На этом пути находились такие крупнейшие русские города, как Новгород, Ладога, Киев и др.

[2] Считается, что Аскольд и Дир в 865 г. приняли христианскую веру от греческих проповедников.

лено. Но не только силовые методы применял Олег. Использовались им и дипломатические приёмы. Дань, собираемая с населения, была неодинаковой в разных областях растущего государства. Так, например, племена, недавно вышедшие из-под гнёта хазар, отдавали «лёгкую дань». Этим Олег хотел подчеркнуть, что его дань – маленькая по сравнению с хазарской и поэтому его власть более выгодна населению завоёванной им земли.

Олег значительно увеличил территорию государства: от новгородских земель, во главе которых был его предшественник Рюрик, до киевских, которыми он овладел силой. Столицей государства Олег сделал Киев. Он и назвал его «матерью городов русских».

При Олеге было построено множество новых небольших городов, как отмечал на основе летописных преданий С. М. Соловьёв, с целью «утверждения своей власти в новых областях», для защиты страны от нападения врагов. Именно при нём «впервые почти все племена, жившие по восточному пути, собираются под одно знамя, получают понятие о своём единстве…» – подчеркивал С. М. Соловьёв.

Ф. А. Бруни. Смерть Аскольда и Дира. Гравюра. 1839 г.

Как утверждается в летописи, военные успехи Олега были и вдали от русских земель. В 907 г. и в 911 г. он совершил успешные походы на Византию. Цель походов – установление выгодных торговых условий для русских купцов. Так, по договору, заключённому Олегом с греками, русские купцы не платили никакой пошлины. Из сохранившихся довольно многочисленных фактов истории правления Олега[3] наибольший интерес вызывает именно этот договор Олега с греками. Не зря русские историки (например, Н. М. Карамзин) считали его «драгоценнейшим» памятником древности. Он даёт возможность выявить важнейшие аспекты взаимоотношений Византии и Руси. Кроме того, как справедливо отметил Карам-

[3] Сравнивая эти факты с сохранившейся информацией периода Рюрика или Игоря, некоторые историки даже предполагают, что было два Олега. Второй Олег – воевода Игоря, а возможно – его старший сын.

зин, «сей договор представляет нам россиян уже не дикими варварами, но людьми, которые знают святость чести и народных торжественных условий, имеют свои законы, утверждающие безопасность личную, собственное право наследия, силу завещаний; имеют торговлю внутреннюю и внешнюю».

Олег получил прозвище Вещий, то есть мудрый. Правда, в то время слова «мудрый» и «хитрый» были почти синонимами. По преданию, жил Олег до глубокой старости и правил государством до самой смерти. Умер он от укуса змеи в 912 г. Многие учёные считают его первым реальным историческим князем – такой вывод делали дореволюционные историки на основе летописных данных.

Б. А. Чориков. Олег пред Царьградом, 906 год. Гравюра. XIX в.

Поход Олега на Царьград. Миниатюра из Радзивилловской летописи. XV в.

Б. А. Рыбаков в дискуссионных битвах с норманнистами, выступая против безоглядной веры в летописные предания убеждал, что правление Олега в Киеве не было столь значительным, как считал Карамзин и его последователи. Как бы противореча восторженным восклицаниям по поводу заслуг первых Рюриковичей, Рыбаков писал (в фундаментальной «Истории СССР с древнейших времён до наших дней» 1960-х годов): «Историческая роль варягов на Руси была ничтожна. Появившись как «походники», пришельцы, привлечённые блеском богатой, уже далеко прославившейся Киевской Руси, они отдельными наездами грабили северные окраины, но к сердцу Руси смогли пробраться только однажды[4]. О культурной роли варягов ничего не говорит Договор 911 г.[5], заключённый от имени Олега и содержащий около десятка скандинавских имён Олеговых бояр, написанный не на шведском, а на славянском языке. Никакого отношения к созданию государства, к строительству городов, к прокладыванию торговых путей варяги не имели. Ни ускорить, ни существенно задержать исторический процесс на Руси они не могли». Таким образом, Рыбаков пытался доказать, что Олег более литературный герой, чем конкретная историческая личность. Не все учёные придерживаются этой точки зрения убеждённого антинорманниста.

Но эта часть летописи, повествующая об Олеге, бесценна тем, что характеризует и летописца, извлёкшего текст договора из княжеского архива. Сама манера изложения говорит о достоверности его пересказа – на это обращают внимание многие историки. Любознательность летописца трогательна. Изучая договор славян с греками 911 г., он задаётся вопросом: как это русский язык был когда-то неславянским, а потом стал славянским? Ведь тогда ещё Русь имела не славянские, а скандинавские имена: Рюрик, Олег… Этот договор был первым «правительственным», государственным документом и составлен на древнерусском языке, понятном и грекам, и славянам. Летописец пользуется русским языком – языком славянским, созданным как письменный язык Кириллом и Мефодием – греческими первоучителями славян. Об этом сообщает летописец.

[4] Имеется в виду захват Киева войском Олега.

[5] Договор с Византией.

Князь Игорь. Портрет из Царского титулярника. 1672 г.

Игорь Рюрикович – вел. кн. Киевский, сын Рюрика. Умирая (879), Рюрик вручил правление и малолетнего И. Олегу. И. начал княжить лишь по смерти Олега, в 912 г. Брак И. с Ольгою летопись относит к 904 г. Едва смерть Олега стала известной, древляне и другие племена восстали, но И. заставил их смириться, а воевода его Свинельд покорил угличей и взял их город Пересечен, за что и получил их землю в управление. В 914 г. близ пределов России явились впервые печенеги, которых И. встретил с многочисленным войском. Печенеги, не решаясь вступить в бой, заключили с И. перемирие на пять лет. И. – первый русский князь, о котором сообщают иноземные писатели (Симеон Логофет, Лев Грамматик,

Георгий Мних, Кедрин, Зонара, продолжатели Феофана и Амартола, Лев Диакон, кремонский епископ Лиутпранд). В 941 г. И. предпринял поход на Грецию. С флотом в несколько сот ладей И. пристал к берегам Вифинии, распространил свои опустошения до Воспора Фракийского и подступил к Константинополю. Греческий флот был в то время в отсутствии, в походе против сарацин. Тем не менее суда И. не выдержали «греч. огня», и сам он спасся только с 10 судами. В 944 г. И. при содействии варягов и печенегов возобновил свое нападение на Грецию, но греч. послы встретили его еще по сю сторону Дуная и предложили выкуп, вследствие чего И. возвратился в Киев.

В 945 г. прибыли в Киев греч. послы для подтверждения этого мира; с ними И. отправил в Царьград собственных послов, которые и заключили договор, приводимый летописцем под 945 г. Договор этот не известен визант. историкам, что послужило Шлецеру одним из главных оснований к сомнению в подлинности его, но позднейшие исследования устранили эти сомнения. В этом, наиболее пространном из договоров русских с греками X в., весьма много положений частного международного права, в которых усматривали древнерусские народные обычаи; на основании их Эверс нарисовал цельную картину нашего древнего юридического быта, утверждая, что положения эти действовали только на греч. территории и притом в столкновениях греков с русскими (а не русских между собою), доказывает, что при составлении этого договора русские обычаи принимались во внимание лишь постольку, поскольку не противоречили стремлению греков наложить узду на примитивные нравы Руси и, в частности, на господствовавшее у нее начало самоуправства. Этим значение договора как источника русского права в значительной степени умаляется, зато выдвигается другая сторона договоров русских с греками, как первых по времени памятников, в которых выразилось влияние на Русь Византии. Кроме племен, обитавших по обе стороны верхнего и среднего Днепра, владения Руси при Игоре распространялись, по-видимому, на ЮВ до Кавказа и Таврических гор, на что указывает статья договора 945 г., обязывавшая И. не допускать нападений черных болгар (т. е. болгар, обитавших на нижней Кубани и в вост. части Крыма) на Корсунь и другие греч. города в Тавриде, а на С достигали до берегов Волхова, что можно вывести из указания Константина Багрянородного на то, что при жизни И. в Новгороде княжил сын его Святослав. Смерть И. летопись относит к 945 г.

Случилась она на полюдье. Не удовольствовавшись данью, уже полученной с древлян, И. с небольшой частью дружины вернулся к ним за новой данью, но древляне, и именно жители Коростена, с князем своим Малом во главе, возмутились и убили И. По словам одного византийского историка (Льва Диакона) древляне привязали его к верхушкам двух нагнутых друг к другу деревьев, а потом пустили их, и И. был разорван.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона

Игорь

Историк С. М. Соловьёв отмечал, что сохранилось совсем немного древних преданий времён правления Игоря (?–945). Он насчитал всего пять преданий. И действительно, Игорь, княживший почти столько же лет, сколько Олег, не оставил после себя подробностей своего княжения на протяжении почти четверти века. Может, они просто не сохранились? Но всё же достоверно известно, что при нём были покорены уличи (союз славянских племён в Нижнем Приднепровье). Усмирил он и древлян, которые после смерти Олега пытались противиться сбору дани. Игорь заставил их платить установленную Олегом дань, две трети которой русские князья отдавали тогда хазарам, находясь в зависимости от них. «Игорь в возрасте мужа принял власть опасную: ибо современники и потомство требуют величия от наследника государя великого или презирают недостойных», – писал Н. М. Карамзин.

Игорь – князь Киевский. Иллюстрация из книги «Отечественный пантеон. Великие князья, цари и императоры». Москва. 1846 г.

Игорю пришлось воевать с опаснейшим врагом Русской земли – с печенегами. Это кочевые племена тюркского происхождения. Они не знали земледелия, не строили домов, а жили в шатрах, переносимых с одного места кочевья на другое. Они имели великолепную быстроногую конницу и с её помощью, а также с помощью луков и стрел опу-

стошали территории народов, населявших юг Восточной и Центральной Европы. Греки, правда, откупались от их набегов и даже натравливали печенегов, опять же с помощью золота, на врагов Византии. Доставалось от печенегов и хазарам.

Первое упоминание в летописи о печенегах относится к 915 г. Они нападали не только на южные границы Руси, но и подходили даже к Киеву. Поэтому охране южных рубежей Игорь придавал большое значение. Есть сведения, что Игорь не только боем отражал набеги печенегов, но и заключал с ними договоры. После этого они в течение нескольких лет вообще не тревожили границы русских земель.

Игорь совершал походы и на Константинополь. Первый поход (941) был неудачным для дружины Игоря. Хотя в начале своего столкновения с греками он так был уверен в победе, что даже жалел и щадил попавших к нему в плен врагов. Византийцы применили против русских судов так называемый «греческий огонь», который горел на воде. Этим он привёл противника, воспитанного на языческом поклонении огню, в страшное изумление и обратил его в бегство. Часть русских воинов попала в плен и была подвергнута жестокой казни. Справедливости ради надо отметить, что жестокость в той или иной степени была нормой поведения для всех племён. Подробности этого похода Игоря отразились в византийских и арабских источниках, что говорит о важности этого события.

Война Игоря с печенегами. Миниатюра из Радзивилловской летописи. Конец XV в.

Б. А. Чориков. Мир с греками, 944 год. Гравюра. XIX в.

Второй поход Игоря (944) был удачен. Закончился он договором с греками – правда, менее выгодным для Руси, чем договор, заключённый при Олеге. Так, например, русские купцы не могли оставаться на зиму в Царьграде. Торговый сезон продолжался шесть месяцев. Причём для историка в данном случае представляет интерес не только содержание документа, но и особенности его оформления. Документ был скреплён клятвой с той и с другой стороны. А так как в дружине Игоря были и язычники, и христиане, то каждый из них клялся согласно своей религии. Это очень важный факт истории, так как даёт возможность проследить процесс постепенного распространения христианства среди русского населения.

Когда Игорю было за шестьдесят лет, он, по всей вероятности, был уже физически не так силён, как раньше. В преданиях даже мелькает фраза «старый муж», когда речь идёт о нем. В последние годы жизни ему, очевидно, было трудно передвигаться, и он старался не принимать участия в полюдье. Он посылает вместо себя «знатного мужа» воеводу Све-

нельда, который стал собирать дань не только с уличей, в покорении которых он принимал активное участие, но и с древлян. Таким образом, ему, естественно, доставалась значительная часть собираемых богатств. В дружине Игоря этим были не очень довольны, и потому прозвучало требование: быть Игорю, как и прежде, во главе дружины во время сбора дани. Игорь согласился, но это закончилось трагедией. В летописи сказано, что, собрав дань с древлян, Игорь отправил её с большей частью своей дружины и решил ещё раз совершить поборы: ведь две трети полученной дани нужно было отдать хазарам. Воспользовавшись слабостью охраны Игоря, древляне перебили её, убит был и Игорь.

Правда, некоторые историки не но всём доверяют сведениям летописи. А. А. Шахматов доказывал нелепость поведения Игоря, отражённого в предании. Он не верил в возможность столь неуёмного и неумного проявления Игорем корыстолюбия и легкомыслия во время вторичного сбора дани с древлян. Шахматов предполагал, что Игоря мог погубить Свенельд. И действительно, желал ли Свенельд терять право сбора дани с древлян? Тем более что после смерти Игоря он стал практически «главой правительства» при вдове Игоря княгине Ольге. Так или иначе, но Игорь погиб во время сбора дани в древлянской земле. И княгиня Ольга жестоко отомстила древлянам за смерть мужа.

В. И. Суриков. Княгиня Ольга встречает тело князя Игоря. 1915 г.

Интересно замечание В. В. Похлёбкина по поводу последнего сбора дани Игоря с древлян: «Руководство большой державой обязывает ориентироваться не на своё ближнее дворцовое окружение, а на массовые настроения народа в целом, на его конечные цели… По совету дружины [Игорь] пошёл дважды собирать дань с древлян, в результате чего вызвал их восстание и был убит. Он чуть было не поставил Русь спустя меньше чем столетие после её образования на грань распада. И лишь мудрая, терпеливая и в то же время целеустремлённая и жёсткая внешняя политика Ольги спасла положение, держава вновь укрепилась».

Н. А. Бруни. Святая великая княгиня Ольга. 1901 г.

Ольга св. (в крещении Елена) – русская княгиня, жена Игоря Рюриковича. О происхождении ее делалось много предположений. В начальной летописи упоминается только, что Олег в 903 г. привел Игорю жену из Плескова (Пскова?), именем О. На основании известия одной позднейшей летописи Плесков отожествляли с болгарским городом Плискувой и О. считали болгарской княжной, но это предположение, хотя оно и объясняет многие факты древней русской истории, нельзя считать доказанным. По смерти Игоря О. стала управлять Киевской землей за своего малолетнего сына Святослава.

По летописному рассказу, она жестоко отомстила древлянам, убившим ее мужа, и установила в древлянской земле «уставы и уроки», т. е. дань и натуральные повинности; затем пошла в Новгородскую землю и здесь устроила погосты, т. е. административные центры, и определила дани и оброки в пользу князя. В 955 г., по летописному счислению, О. отправилась в Константинополь, где и крестилась, но греческий император Константин Порфирородный рассказывает о пребывании О. в Константинополе в 957 г. и вовсе не упоминает о ее крещении там. Вероятно, О. крестилась раньше поездки в Константинополь, в Киеве, где уже тогда было много христиан-

варягов. По известиям (сомнительным) западных летописцев, в 959 г. О. отправила посольство к германскому королю Оттону I с просьбой прислать епископа и священников, что и было исполнено, но посланный епископ должен был возвратиться ни с чем. Попытки О. обратить в христианство сына своего Святослава были, по летописному известию, безуспешны. Умерла О. в 969 г. в глубокой старости, завещав похоронить ее по христианскому обряду. Она причтена церковью к лику святых; память её празднуется 11 июля.

О происхождении О. см. арх. Леонид, «Откуда родом была св. великая княгиня русская О.?» («Русс. Старина», 1888, кн. 7) и И. И. Малышевский, «Происхождение русской великой княгини О. св.» («Киевская Старина», 1889, 7 и 8 и отд.). Жития О.: проложные (см. «Чтения в ист. общ. Нестора лет.», II, и Макария, «История русской церкви»), в Четьи-Минее Макария и в Степенной книге, в переработке – у Филарета, «Русские святые», под 11 июля.

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона

Ольга

«Предание нарекло Ольгу хитрою, церковь Святою, история Мудрою», – констатировал Н. М. Карамзин.

«…Не в одних только именах сходство Ольги с знаменитым преемником Рюрика, собирателем племён. Как Олег, так и Ольга отличаются в предании мудростью, по тогдашним понятиям, то есть хитростью, ловкостью… Но не за одну эту хитрость прозвали Олега – вещим, Ольгу – мудрейшей из людей… Олег установил дани, строил города. Ольга объехала всю землю, повсюду оставила следы своей хозяйственности распорядительности», – вторил Н. М. Карамзину С. М. Соловьёв.

Княгиня Ольга. Иллюстрация из книги «Отечественный пантеон. Великие князья, цари и императоры». Москва. 1846 г.

Сведения о происхождении княгини Ольги (?–969) весьма разноречивы. По одним – она славянка с Псковщины. Имя её было Прекрасная, а после замужества назвали Ольгой (в честь опекуна мужа – Олега), По другим источникам, она – норманнская княжна Хельга. На Псковщине жили и славяне, и пришедшие с Рюриком норманны. Так что будущая жена Игоря якобы могла быть и славянского, и норманнского происхождения. Но так хотелось её биографам утвердить миф о её «благородном» происхождении. В источниках более позд-

него периода даже утверждалось, что Ольгу привезли не из Пскова, а из Плескова, и была она болгарской княжной. Называли её и половецкой княжной. Высокородные предки Ольги появились в преданиях из желания приукрасить, показать значительность происхождения знаменитой княгини. Но всё же, по более достоверным сведениям, Ольга была славянкой из простого, явно не княжеского рода.

«Житие святой, блаженной, равноапостольной великой княгини Ольги» содержит подробности знакомства Ольги и Игоря. Игорь охотился на Псковщине, и когда ему было необходимо перебраться через реку, то перевозчицей оказалась юная девушка. Она поразила его своей красотой, чувством собственного достоинства. Женитьбу князя Игоря на этой дочери лодочника одобрил сам Олег.

Хотя славяне и имели склонность к единобрачию, но Игорь был всё же язычник и мог иметь не одну жену и не единственного сына – Святослава. По этому поводу нет сведений в древних источниках. Но в Иоакимовской летописи XVII в. упоминается брат Святослава Глеб. Он был христианин и погиб в 971 г. от руки Святослава во время расправы его дружины с христианами. Был ли этот Глеб сыном Ольги, а значит, младшим братом Святослава (но не сыном Игоря) или старшим братом Святослава по отцу (но не сыном Ольги)? Этого мы теперь, наверное, уже не узнаем. Так или иначе, но наследником Игоря стал Святослав, а его мать, вдова Игоря княгиня Ольга, – правительницей при малолетнем сыне. И личные качества княгини сыграли, очевидно, не последнюю роль в истории государства.

В. К. Сазонов. Первая встреча князя Игоря с Ольгой. 1824 г.

Конкретных описаний внешности Ольги не сохранилось, но и древляне, и поляне, и норманны, и греки были едины во мнении, что Ольга была красавицей. И как неоднократно отмечалось в древних источниках, это было не единственное её достоинство. Она стала энергичной и уверенной в своих силах княгиней-правительницей, способной быть главой государства. Есть предположение, что Ольгу поддерживала достаточно сильная околокняжеская группировка, в которой находился бывший соратник Игоря Свенельд. В летописи подробно

рассказывается о том, как отомстила княгиня Ольга древлянам за гибель мужа. Она расправилась с ними по законам кровной мести, как неистовая язычница – жестоко и беспощадно. Если верить этим преданиям, то невозможно не ужаснуться хладнокровию и изощрённому коварству, с помощью которых она уничтожила лучших мужей, воинов древлян, их князя Мала и древлянскую столицу – город Искоростень (современный – Коростень) со всеми его жителями. Некоторые историки считают, что трудно верить некоторым подробностям летописи, например в физические возможности тех методов, с помощью которых был сожжён Искоростень.

Первая и вторая месть княгини Ольги древлянам, 945 г. Миниатюры из Радзивилловской летописи. Конец XV в.

Третья и четвертая месть княгини Ольги древлянам, 945 г. Миниатюры из Радзивилловской летописи. Конец XV в.

В летописи рассказывается, как по прихоти княгини, в знак примирения, принесли древляне птиц (голубей, воробьев) – от каждого дома по птице. Не поняли они, что их ждёт. По приказу Ольги птицы были выпущены с привязанной к ним горящей паклей. Птицы летели к своим домам, и весь город мгновенно был объят пламенем. Действительно, трудно поверить в такой метод уничтожения города. Но то, что Коростень был сожжён и уже не смог никогда восстать из пепла таким, каким он был раньше, – это факт. Постепенно он почти исчез с лица земли. А ведь Искоростень был одним из лучших славянских городов.

Мало ли на Руси городов, которые в древности процветали, а потом утратили своё былое значение или вообще исчезли? Но недалеко от того места, где когда-то был Искоростень, через много столетий будет построена печальна знаменитая атомная электростанция в Чернобыле. Так, писатель Лариса Васильева отмечает: «Меня страшно тревожит совпадение – десять веков назад в одном регионе произошло чудовищное событие: был заживо сожжён город. Горящие птицы, как прообразы летающих ракет, несли людям смерть. В результате древлянское племя медленно растворилось. Это событие стало, как я предпо-

лагаю, прологом поворота Киевской Руси к новому вероисповеданию, которое за несколько веков помогло создать великую Россию.

В. М. Васнецов. Святая равноапостольная княгиня Ольга. XIX в.

Спустя десять с небольшим веков вблизи этого места случился жестокий атомный пожар Чернобыля, ставший началом поворота всего человечества в условия отравленного воздуха, воды, земли».

Отомстив древлянам, Ольга стремилась установить мирные отношения с соседями, упорядочить сбор дани. Как верно отметил Н. Карамзин: «Великие князья до времён Ольгиных воевали – она правила государством». До Ольги дань собирали довольно беспорядочно. Размер ее не был фиксирован. Иногда князь так увлекался увеличением поборов, что возникало возмущение данников. Ольга помнила, что жертвой такого возмущения и стал князь Игорь. Она поняла важность установления определенных, точных норм дани. И это было проявление мудрости в сфере не только экономической, но и политической. Единовластие должно было укрепляться.

Крещение Ольги в Константинополе. Витраж в соборе Св. Варвары, Кутна-Гора, Чехия

Ольга стала первой христианкой из княжеского рода. Историк русской церкви Е. Е. Голубинский считает, что Ольга крестилась в Киеве (некоторые утверждали,

что в Византии) и в Царьград приехала со своим духовным наставником Григорием для поклонения святым и для получения благословения от патриарха. Она дважды посещала Византию – в 946 и в 955 гг. Ольгу с почестями принимал император Константин Багрянородный, и ей были вручены богатые дары.

По преданию, Ольга пленила императора своей красотой и получила от него предложение выйти замуж. Но Ольга ответила ему отказом. Н. М. Карамзин выразил сомнения в достоверности сообщения летописца: «Во-первых, Константин имел супругу; во-вторых, Ольге было тогда уже не менее шестидесяти лет. Она могла пленить его умом, а не красотой». Но по поводу года рождения Ольги у историков также существуют различные мнения. Карамзин, как и многие другие его последователи, считал её почти ровесницей Игоря. Наш современник Б. А. Рыбаков, ещё и ещё раз проанализировав исторические факты, пришёл к выводу, что разница в возрасте Игоря и Ольги была значительной – сорок лет. Так что не только умом, но и красотой, молодостью пленить императора она вполне могла. И всё-таки приёмом, оказанным ей в Византии, она была явно недовольна. Когда в Киев приехали греческие послы, Ольга повела себя с ними так, что они это поняли. Если даже не принимать во внимание полулегендарное предание о сватовстве императора Византии к русской княгине и насильное удержание ее на какое-то время в Царьграде, которые могли вызывать у неё отрицательные эмоции, другие основания для недовольства также реально существовали. На Ольгу произвели неприятное впечатление традиции «встреч» прибывавших славян в Царьграде. Их обычно долго не выпускали в город, осуществляя тщательную проверку их личности и багажа. Об этом подробно написано в мемуарах самого Константина Багрянородного. Ольга не считала нужным скрывать своего недовольства по поводу проявления этих византийских правил в момент ее прибытия. И никакой пышный приём императора не смог заслонить первого впечатления. Но это не помешало ей поддерживать и развивать деловые отношения с Византией.

Памятник Ольге в костеле Святых Ольги и Елизаветы во Львове

Ещё при жизни Ольга передала Святославу правление княжеством. Святослав же почти всё своё время посвящал военным походам. А Ольга продолжала возглавлять госу-

дарство, воспитывала внуков – отец почти не видел своих детей. Л. Н. Гумилёв замечает: «Князь и языческая дружина всё время находились в походах, языческий народ платил дань, а христианская община Киева вершила дела страны». Несомненно, огромное значение для распространения христианства имел сам факт крещения княгини, хотя, возможно, княгиня вынуждена была его скрывать от широкого круга людей. Святослав знал об этом. Княгиня пыталась «открыть сыну заблуждение язычества» и говорила «о счастье быть христианином». Но положительного результата – его крещения – добиться не смогла. Умирая, Ольга просила похоронить её по христианскому обряду. Её просьбу исполнили. Позже, когда христианство станет государственной религией Руси, церковь канонизирует Ольгу и наречёт её святой равноапостольной княгиней.

Князь Святослав. Портрет из Царского титулярника. 1672 г.

Святослав Игоревич – вел. кн. Киевский. Летопись относит рождение С. к 942 г. В момент смерти отца С. был еще младенцем и управление княжеством во время его малолетства было в руках его матери Ольги. Воспитателем С. был Асмуд, а воеводой – Свенельд. Как только С. возмужал, он обнаружил типичные черты князя-дружинника: дела земские его интересовали мало, его тянуло к военным предприятиям в отдаленных землях. Из славянских племен к востоку от Днепра только вятичи были в ту пору вне влияния киевских князей и платили дань хазарам. Из-за вятичей С. вступил в борьбу с хазарами и проник на Волгу и даже в Предкавказье, где столкнулся с ясами и касогами. Затем С. направил свое внимание на Ю – на Дунайскую Болгарию. Почин в этом предприятии С. шел со стороны византийского императора Никифора Фоки, который, желая оградить Византию от опасных соседей – болгар, послал к С. предложение напасть на Болгарию. С. явился в Болгарию со своими союзниками – венграми, печенегами и др. – в качестве друга Византии. Успех похода С. был огромный; он занял ряд болгарских городов и стал стремиться к полному обладанию Болгарией.

Греки скоро почувствовали, что приобрели в его лице еще более опасного соседа. Тогда Никифор направил печенегов на Киев, и С. должен был возвратиться в отечество, но уже в 971 г., посадив на Руси своих сыновей, снова явился в Болгарии. Между тем преемник Никифора Фоки, Иоанн Цимисхий, помирился с болгарами, и С. пришлось иметь дело и с греками, и с болгарами; хотя в Болгарии была и русская партия, но движение против С. было сильное. Чтобы сломить греков, С. двинулся за Балканы и сначала имел успех, но потом должен был заключить мир с греками и уйти из Болгарии. Он пошел в лодках к Днепровским порогам, но пороги были заняты печенегами. С. переждал до весны и снова попытался пройти пороги, но был убит в сражении с печенегами, которые, по преданию, сделали из черепа его чашу (972 г.).

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона

Святослав

Святослав (?–972), сын князя Игоря и Ольги, – первый великий князь, славянское происхождение которого не было причиной особых споров у историков. «Он первый из русских князей назывался именем языка нашего», – отмечал Н. М. Карамзин и отождествлял князя Святослава с Александром Македонским. «Сей князь, возмужав, думал единственно о подвигах великодушной храбрости, пылая ревностью отличать себя делами и возобновить славу оружия российского, столь счастливого при Олеге… мужественно боролся и с врагами, и с бедствиями; был иногда побеждаем, но в самом несчастии изумлял победителя своим великодушием», – отметил Карамзин. И действительно, воевал Святослав много и победоносно. Воспитывая сына, лишённого отца, княгиня Ольга, очевидно, не очень нежила его, а делала всё возможное, чтобы сын вырос настоящим воином, способным возглавить и защитить Отечество. По своему поведению, да и по характеру Святослав не был похож на отца. Игорь в течение тридцати трёх лет покорно ждал, когда судьбе будет угодно сделать его главою государства. А он имел все основания быть им в период правления Олега, надолго продлившим время опекунства над первым Рюриковичем. По сохранившимся документам можно судить, что Игорь не отличался особой воинственностью, легко соглашался с инициативой своих соратников. Святослав, по всей видимости, был похож на мать – княгиню Ольгу. Оба обладали независимым и твёрдым характером. В преданиях можно найти не одно упоминание о спорах матери и сына. Он уступал ей лишь в том, что не противоречило его главным намерениям, глубоким и принципиальным убеждениям.

Возмужав, Святослав создал дружину из лучших воинов своего окружения, У него и потом не будет войска, соединяющего представителей различных племён. А будет немногочисленная, но отборная дружина, способная переносить с ним тяготы походной жизни, бесстрашно и доблестно участвовать в бою. Не брал князь с собой в поход ни шатра, ни постели, ни котлов для приготовления пищи, ни больших продовольственных запасов. Он так же, как и его воины, питался кониной и мясом диких животных, испечённых на углях костра. А спал он на потнике, положив под голову седло. Так что обоза он не имел, и передвигаться ему было легко. «Он ходил на неприятеля с быстротой барса», – отмечалось в летописи. Но никогда Святослав не нападал внезапно, предупреждал: «Иду на вас!»

Портрет князя Святослава Игоревича. Середина XIX в.

В середине X в. далеко не все восточные славяне были под властью киевского князя. Начинала налаживаться система налогов, но были племена, которые не окончательно примирились со своим данническим положением. Некоторые из них платили дань не Киеву.

Защитить Русь от внешних врагов, укрепить единство Руси стало одной из главных задач молодого Святослава. В это время восточнославянское племя вятичей платило дань хазарам. Святослав пошёл на хазар и взял их главный город на Дону – Белую Вежу. Затем

он победил ясов и косогов в Прикавказье, волжских булгар. Спустившись по Волге, дружина Святослава взяла древнюю столицу хазар – Итиль и город Семендер. Освобождённые от хазар вятичи стали платить дань киевскому князю. Хазария потерпела тяжкое поражение[6].

Святослав же в это время был на Дунае. Выйдя к Азовскому морю, он основал в районе Кубани крепость Тмутаракань (она находилась на Таманском полуострове), ставшую впоследствии столицей древнерусского Тмутараканского княжества. Объединение восточнославянских племен завершилось. А Русь могла уже установить контроль за торговыми путями по Волге и Дону.

С. М. Соловьёв считал, что после этого «начинаются подвиги Святослава, мало имеющие отношение к нашей истории». Некоторые историки Русской церкви неодобрительно говорят о последующих заграничных походах этого князя: «Рыскал по чужим землям». Но с большим уважением о нём как о защитнике Русского государства будет отзываться первый киевский митрополит русского происхождения Иларион (XI в.). С не меньшим почтением о его заслугах в разгроме хазар напишет покойный ныне митрополит Ладожский и Петербургский Иоанн. А историк Н. М. Карамзин в своих заметках «О случаях и характере истории, которые могут быть предметом художеств» восклицал: «Никто из древних князей российских не действует так сильно на моё воображение, как Святослав, не только храбрый витязь, не только ужас греков… но и прямодушный витязь…»

Почему Святослав оказался далеко за пределами своего государства? Только ли желание ратных подвигов отдалило его от Киева? Существует предположение, что на самом деле всё было гораздо сложнее. По утверждению Л. Н. Гумилёва, Святослава уже тогда тяготило общение с матерью и особенно с её христианским окружением. А после победы над иудейской Хазарией число христиан в Киеве росло. Но при этом нельзя отрицать любовь и уважение Святослава к матери. Хотя действительно нелегко было ужиться этим двум родным незаурядным личностям с сильным характером.

А между тем патрикий Калокир как посол греческого императора Никифора предложил Святославу захватить беспокоившую греческие границы Болгарию и сделать её частью Русского государства.

Святослав охотно согласился с этим предложением – к тому же Русь, окружённая со всех сторон врагами, тоже нуждалась в сильном союзнике, например в лице Византии. Другое дело, как потом оправдывались их взаимные надежды на поддержку предполагаемого союзника…

[6] Л. Н. Гумилёв отмечал: «Удар Святослава по иудейской общине Хазарии был жестоким, но не окончательным». Опровергая распространённое у историков мнение, он утверждал, что хазарское государство было добито всё же не Святославом, а печенегами, которых подкупила Византия. Таким образом она избавилась от одного из торговых соперников.

Святослав вторгается в Болгарию. Миниатюра из Ватиканского манускрипта XIV в.

Византия к тому времени постоянно подвергалась нападению со стороны арабов, булгар. Ольга когда-то посылала русских воинов в Византию, и они помогли разбить арабов и вернуть грекам Крит. Вот тогда-то будущий посланник Никифора к Святославу Калокир, общаясь с русскими союзниками, выучил их язык. Договаривался он потом со Святославом по-русски. В этом, конечно, было своё обаяние, а главное – проявление уважения к Киеву. Святослав довольно быстро завладел Болгарией. Ему понравилась эта земля и своим мяг-

ким теплым климатом, и своей природой, а главное, наверное, тем, что она давала князю-победителю ощущение покоя вдали от сложных отношений в Киеве. Он надолго остался в болгарской столице городе Переяславце.

По преданию, однажды он получил послание киевлян, недовольных его долгим отсутствием. Они упрекали его в том, что ему не жалко Отчизны, матери-старухи, детей своих малых. И действительно, однажды, пока он был в Болгарии, только случай спас Киев, а заодно и престарелую Ольгу с внуками от осаждавших город печенегов. Её воевода Претич обманул печенежского князя, окружившего Киев, сказав ему, что приближается Святослав со своей дружиной. Святослава враги боялись. Печенеги не только отошли от Киева, но в знак примирения печенежский князь обменялся оружием с Претичем. Кстати, описание древним автором подробностей этого обмена дало возможность историкам определить и сравнить типы вооружения русских и печенегов. Печенег подарил саблю, стрелы, лук, коня – азиатское вооружение. Русский же воевода дарит ему броню, щит, меч – но тому времени это было военное снаряжение европейского типа.

А Святослав, узнав о происходящем на родине, немедленно прибыл в Киев. Он наподдал печенегам, загнав их в степь, а матери признался, что хочет перенести столицу государства в завоёванные им придунайские земли, в Переяславец. Ольга не одобрила этого решения Святослава. Кроме того, она опять попыталась обратить его в христианскую веру, но и на этот раз убедить его не смогла. Тогда она упросила его остаться в Киеве хотя бы до её смерти, которая явно приближалась. Святослав выполнил просьбу матери.

Святослав с помощью оружия пытался создать государство на землях придунайских славян. Там и появилась новая столица Переяславец. А территорию Руси, созданную ещё при Олеге, передал в управление своим ещё довольно юным сыновьям. После смерти Ольги, которую похоронили по её просьбе по христианскому обряду, старшему сыну, Ярополку, достался Киев, а младшему, Олегу, – земля древлян. А в Новгород был отправлен младший сын Святослава Владимир, мать которого, Малуша, Ольгина ключница, была когда-то взята в плен при покорении древлян. В летописи утверждается, что сыновья Святослава Ярополк и Олег не любили Север и отказались ехать в Новгород. Не последнюю роль в этом решении братьев сыграло бунтарство и своеволие новгородцев. Мысль же просить себе князем Владимира внушил новгородцам брат Малуши Добрыня[7].

[7] Добрыня, по предположению некоторых исследователей, явился прототипом богатыря Добрыни Никитича – сподвижника Ильи Муромца в русских былинах.

Владимир Святославич на памятнике «Тысячелетие России» в Великом Новгороде

Летопись сохранила не только эти конкретные имена, но и лаконичное требование новгородцев. Они обратились к Святославу: «Дай нам Владимира»; иначе они грозились при-

звать князя из других земель. В результате Владимир ещё отроком отправился в Новгород в качестве князя вместе со своим дядей Добрыней, который, по выражению одного из историков Русской церкви, «как грубый язычник, давал полную волю страстям своего воспитанника».

Н. М. Карамзин с горечью отмечал: «Святослав первым ввёл обыкновение давать сыновьям особые уделы: пример несчастный, бывший виной всех бедствий России». С. М. Соловьёв по этому поводу делал следующий вывод: «Святослав своей землёй считал только одну Болгарию, приобретённую им самим. Русскую же землю считал, по понятиям того времени, владением общим, родовым». Интересна точка зрения Л. Н. Гумилёва, также попытавшегося объяснить мотивы очередного заграничного похода Святослава. Он считал, что Святослав не просто покинул Киев, а был вынужден «…уйти в дунайскую оккупационную армию, которой командовали верные его сподвижники». Слишком сильна была в Киеве оппозиция (христианская оппозиция, по мнению Гумилёва). Нельзя исключить и другое предположение. Святослав не собирался делить государство на несколько частей – просто в разные районы были направлены представители единой власти. Не мог же Святослав предвидеть свою скорую гибель.

Святослав вернулся в Болгарию, подавив её сопротивление в кровопролитных битвах. Новый император Византии Иоанн Цимисхий был встревожен намерениями Святослава закрепиться в придунайских городах. Он боялся иметь рядом с собой такого сильного соседа. Император через своих посланников напомнил Святославу о его договоре с покойным Никифором: уйти из Болгарии. Святослав ответил решительным отказом, да ещё и пригрозил грекам выгнать их в Азию. Началась война, события которой отразили и византийские, и славянские источники. Правда, они значительно противоречат друг другу. Составитель летописи Нестор отмечал успехи Святослава, византиец – победы греков.

Поднесение греками князю Святославу оружия в дар. Миниатюра из Радзивилловской летописи. Конец XV в.

В ходе этой войны дружина Святослава вступила во Фракию и опустошила её селения до самого Адрианополя[8]. В этих боях отличился своим полководческим талантом предводитель греческого войска Барда Склир и его брат патриций Константин. Часть дружины Святослава была уничтожена, а оставшиеся воины были окружены силами, превосходившими их почти в десять раз. Нестором описана реакция Святослава на эти события. Он спо-

[8] Адрианополь – греческое название города Эдирне на северо-западе Турции, завоёванного турками в XIV в.

койно и мужественно отнёсся к случившемуся и убеждал своих соратников: «Бегство не спасёт нас. Волею или неволею должны мы сразиться. Не посрамим Отечество, но ляжем здесь костьми: мёртвым не стыдно. Станем крепко. Иду перед вами, и когда положу свою голову, тогда делайте что хотите». Русский летописец считал, что не победили греки в этой битве, но и у русских потери были весьма ощутимы. Вскоре Святослав направился к Константинополю – греки откупились золотом. Когда они его принесли, – отмечает летописец, – Святослав отнёсся к этому равнодушно. Когда же принесли оружие, Святослав принял его с благодарностью. Он взял предложенную императором дань. Каждый воин получил свою часть добычи, а доля убитых принадлежала их родственникам.

Византийский источник содержит интересные сведения о встрече императора и князя, инициатором которой был Святослав. Цимисхий явился на коне, окружённый «златоносными всадниками в блестящих латах». А Святослав в простой белой одежде прибыл в ладье. Он сам грёб веслом. Греки подробно описывали его внешность. Он был среднего роста, строен и голубоглаз, имел широкую грудь и мощную шею. Лицо обрамляла негустая борода. Очевидно, заметные усы и один длинный клок волос на голове между теменем и затылком[9] – «знак благородства», а также серьга с двумя жемчужинами и рубином в мочке уха Святослава дали основание грекам отметить, что вид он имел «дикий». Дотошный в описании подробностей внешности князя, византийский документалист не забыл отметить также, что нос у Святослава был плоский, а брови густые. Описание похоже на досье, составленное криминалистом.

[9] По-видимому, через несколько веков нечто похожее будет и в облике вольнолюбивых людей – казаков, которые появятся на родине Святослава в XV–XVI вв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.